

ВАЛЬТЕР
ШУБАРТ

ЕВРОПА И ДУША ВОСТОКА

Взгляд немца на русскую
цивилизацию

Русская история

Вальтер Шубарт

**Европа и душа Востока. Взгляд
немца на русскую цивилизацию**

«Алисторус»

1938

УДК 82-4+32
ББК 83.3(2)

Шубарт В.

Европа и душа Востока. Взгляд немца на русскую цивилизацию /
В. Шубарт — «Алисторус», 1938 — (Русская история)

ISBN 978-5-00180-890-9

Вальтер Шубарт провозглашает спасение Европы Россией и «рождение западно-восточной мировой культуры». Книга Шубарта — увлекательный очерк о национальных характерах ведущих народов мира. Хотя главное для автора - это грядущее преображении человечества и спасительная миссия «исцеляющей русской души». «Англичанин смотрит на мир как на фабрику, француз — как на салон, немец — как на казарму, русский — как на храм. Англичанин жаждет добычи, француз — славы, немец — власти, русский — жертвы. Англичанин ждет от ближнего выгоды, француз симпатии, немец хочет им командовать. И только русский не хочет ничего». Вальтер Шубарт. «Европа и душа Востока» Русский философ-эмигрант Иван Ильин писал: «...книга Шубарта разительно отличается от той западной публицистики, где русские предстают как мазохистические трусы, блудливо ждущие позорного наказания». Ильин считал, что в лице Шубарта «мы впервые видим» западного европейца, который по-доброму «открыл глаза на нас», сиротливо сидящих у порога. «Да, да, у порога, ибо к очагу нас, странников, не пускают». Книга «Европа и душа Востока» (1938) была внесена германскими нацистами в список «нежелательной и вредной литературы». В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-4+32
ББК 83.3(2)

ISBN 978-5-00180-890-9

© Шубарт В., 1938

© Алисторус, 1938

Содержание

Введение	7
Последняя проблема Запада	8
Ритмика мировой истории (учение об эонах)	8
Противоречие между Западом и Востоком как проблема культуры	19
Противоречие между Западом и Востоком как политическая проблема	27
Мир Запада и мир Востока	34
Основные тенденции развития западной культуры	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Вальтер Шубарт
Европа и душа Востока. Взгляд
немца на русскую цивилизацию

© Шубарт В., 2023

© Антипенко З.Г., переводчик, 2023

© ООО «Издательство Родина», 2023

Посвящаю моей жене и товарищу Вере Марковне Шубарт

Введение

В основу этой книги положено мое единственное и сильнейшее переживание – осмысление противоположности между человеком Запада и человеком Востока. Это осмысление пронизано предчувствием не гибели, а обновления жизни. Оно навеяно не опасностью, нависшей над Западом, а пробуждением Востока. И возникло оно, как географически, так и духовно, не внутри романо-германских народов, – а в точке¹, из которой можно было бросить взгляд на Запад как нечто целостное.

Главная моя цель – писать не о России, а о Европе, однако о Европе, увиденной с Востока. При этом важно не столько констатировать события прошлого, сколько отразить становление грядущего. Ведь цель живой мысли – это всегда соучастие в созидании необходимого будущего. А это будущее – всемирная борьба между Западом и Востоком, примирение между ними и зарождение всемирной западно-восточной культуры новой эпохи, носителем которой будет иоанновский человек.

На свете всегда будут существовать немногие люди, устроенные так, что именно через них, возможно преждевременно, в мире появляется новый элемент духа. К этим немногим и обращена моя книга. В ней – призыв к солидарности лучших, которые открываются навстречу новому и одновременно спасают для него непреходящее из наследия своих отцов. Что было бы с человечеством без таких людей? О них, как правило, молчат в те годы, когда они живут. Зато им принадлежат столетия после ухода их из жизни.

¹ Шубарт писал эту книгу в Риге.

Последняя проблема Запада

Ритмика мировой истории (учение об эонах)

Согласно закону эволюции, действие которого мы ощущаем, не будучи способны до конца его уяснить, духовные события совершаются в некоей ритмической последовательности. Пред взором, обращенным в прошлое человеческой истории, выделяются отдельные эпохи с ярко выраженными типическими чертами, определяющими духовный облик как всего общества, так и отдельных личностей. Эонические архетипы², изначальные душевные прообразы с резко очерченным характером, в вечной смене следуя один за другим, стремятся найти свое воплощение в живущем человеческом поколении. Развитие того или иного архетипа, его борьба против своих предшественников и преемников придает истории культуры ритм и, в известной мере, напряженность и противоречивость.

Действие эонического архетипа превосходит рамки наций и рас. Он может охватывать целые континенты. Трудно определить границы его проявления, но в сфере своего господства он пронизывает своим своеобразием все, вплоть до последнего индивида, не лишая его при этом нравственной свободы. Отдельная личность вынуждена ориентироваться на этот архетип: она может либо воплотить его, либо воспротивиться ему, но не может его игнорировать. Она вынуждена его признать. Ведь и сопротивление есть форма признания. Эонический архетип ставит великие проблемы эпохи. Он заставляет звучать доминанту, относительно которой отдельные личности в виде контрапункта ведут партию высокого голоса. Он определяет широкие духовные рамки, в которых индивидуумы, с их частными желаниями и целями, движутся в меру своей нравственной свободы.

Всякий раз, когда человечество оплодотворяется новым архетипом, повторяется начальный процесс созидания и культуру охватывает кипучее ощущение молодости. Только тогда кажется найденным смысл бытия. Все существовавшее ранее осмеивается, разрушается, отбрасывается как изжившее себя. Начинается "новое время". Но и оно постепенно стареет, уступая место более новому. Видимо, за этой сменой эонических архетипов скрывается какой-то непостижимый закон, согласно которому божественные силы вливаются в материальный мир и вновь покидают его. Об этой закономерности мы можем лишь догадываться, до конца уяснить ее нам не дано. О ней можно говорить лишь иносказательно или молчать.

Учение об эонах, которое я здесь развиваю, имеет своими истоками древнейшую сокровищницу человеческого духа: буддийское учение о кальпах³, учение о четырех возрастах мира у персов⁴ и иудеев (Книга пророка Даниила⁵), древние саги индусов и мексиканцев о вечной

² Эон (греч.: αἰών) – век, эпоха, жизнь, вечность; в Новом Завете имеет значение – мир, свет; в представлениях позднего язычества и гностиков (пытавшихся объединить христианскую терминологию с языческим «багажом») – существо, персонализирующее время. Архетип (греч.: ἀρχέτυπον) – «изначально запечатленный», первообраз, вечный прообраз чего-либо; в психоанализе К.Г. Юнга – изначально врожденная психологическая схема мышления. У Шубарта оба понятия используются в ином, более скромном смысле: эон – лишь отрезок времени, обладающий своими архетипическими чертами. Однако автор уклоняется от объяснения, что он точно подразумевает под эоном, почему они должны – и сколько раз? – сменять друг друга. Эта исходная посылка ставит под сомнение историческое содержание книги с православной точки зрения (см. послесловие издателя).

³ Кальпа – по индуистскому мифологическому исчислению «день-и-ночь» Брахмы, высшего божества, составляет 8 640 000 000 человеческих лет. По истечении первой половины кальпы (дня Брахмы) происходит уничтожение материального мира и наступает вторая половина (ночь Брахмы), после которой начинается новое творение мира, новая кальпа.

⁴ В иранской мифологии и религии зороастризма (возникла в X–VII вв. до Р.Х.) история Вселенной делится на четыре периода, каждый по три тысячи лет, в течение которых разворачивается борьба между силами добра и зла: 1) идеальное духовное состояние мира, силы зла отделены и находятся в преисподней; 2) создание материального мира и первочеловека, наступает «золотой век»; 3) борьба предводителя сил зла против сил добра; 4) воплощение божества для спасения правед-

смене крушения и обновления мира. Эмпедокл⁶ высказывал ту же мысль следующим образом: «Мир находится в вечном колебании от ненависти к любви и от любви к ненависти. Всегда бывают целые эпохи борьбы и ненависти, и также неизменно, как времена года, на смену им приходит новый расцвет более светлых времен». У Гераклита⁷ эта мысль скрыта в следующем физическом определении: «Периодически происходит смена воды огнем и огня водой». С точки зрения естественных наук эту формулировку признать нельзя, но с точки зрения метафизики тут есть доля истины. Она становится очевиднее, если сделать ударение не на элементах, которые, якобы, сменяют друг друга, а на самом понятии «смена». Гераклит хотел этим сказать о ритмичности мировых событий, о том, что было для него очевидным. Но, когда он пытался облечь эту мысль в слова, он выражался неясно и говорил о воде и огне.

Во времена Средневековья и в последующую за ним нехристианскую эпоху воззрение на ритмичность мира было, хотя и по разным причинам, забыто. Средневековье, с его преобладающим чувством успокоенности, было слишком статично, Новое время с его волей к власти – слишком одержимо стремлением к прогрессу, чтобы увидеть в истории волнообразность движения – это вечное вверх и вниз. И все же мысль о ритмичности происходящего не совсем угасла. Ее можно найти у Гете⁸, который усматривал в мировых процессах систолы и диастолы подобно биению некоего мирового сердца. Ее можно найти в учении Ницше⁹ о вечном возвращении и в теории Шпенглера¹⁰ о типах культуры. Ощущение эонов присутствует и в таких выражениях, как "дух времени", "дух эпохи"; в таких терминах, как готика, барокко, рококо, которые, правда, лишь в частной области культуры отражают своеобразие нескольких поколений независимо от границ отдельных народов. Наконец, слово "современник" достаточно красноречиво говорит о том, что жизнь в одном и том же эоне представляет собой не просто

ников, этот последний цикл завершается победой добра над злом, воскресением мертвых, страшным судом; грешников и силы зла ждут вечные муки в преисподней.

⁵ В книге пророка Даниила (он жил в VII–VI вв. до Р.Х.) аллегорически говорится о четырех земных царствах: золотом, серебряном, медном, железном (это царство будет «разделенное», состоящее частично из железа, частично из глины). После них наступит очередь Царства Небесного: «Бог Небесный воздвигнет царство, которое веками не разрушится» (Дан. 2, 44). Однако никак не очевидно, что эта цепочка исторической последовательности крупнейших мировых империй отражает «тонкие взаимоотношения между эоном и ландшафтом» и может служить подтверждением «учения об эонах».

⁶ Эмпедокл (ок. 490–430 до Р.Х.) – древнегреческий философ и политик, считал элементами материи четыре первичных вещества: землю, воду, воздух и огонь, а движущими силами – любовь (силу притяжения, удерживающую мир) и вражду (силу отталкивания, разрушающую мир). Когда преобладают силы вражды, мир разрушается, превращаясь в распыленное состояние, затем вновь собирается в целое – и это чередование повторяется бесконечное число раз.

⁷ Гераклит (VI до Р.Х.) – древнегреческий философ, первоначально всего сущего считал огонь (энергию с чертами божества), из которого путем сгущения образуется все остальное; все находится в вечном движении, круговороте, и даже огонь периодически то вспыхивает, то потухает. Ввел понятие «логоса» как внутреннего строя мира, но лишь в понимании закона природы («разум вещей»).

⁸ Гете, Иоганн Вольфганг (1749–1832) – немецкий поэт и мыслитель, при Веймарском дворе занимал пост министра. Прошел через разные этапы мировоззрения: от демонического «Прометей» (1773), масонства (с 1780 г.), симпатий к Французской революции и почти атеистического обожествления человека – до признания в старости, что «подлинной, единственной и глубочайшей темой истории мира и человечества... остается конфликт между неверием и верой». (См.: Siegmund G. «Der Kampf um Gott». Buxheim, 1976.)

⁹ Ницше, Фридрих (1844–1900) – немецкий философ, доведший до индивидуалистически-атеистического завершения немецкую философию идеализма (замены Бога – идеей).

¹⁰ Шпенглер, Освальд (1880–1936) – немецкий философ правых политических взглядов, в своем произведении «Закат Европы» (1918–1922) выделил в мировой истории восемь самостоятельных культур, каждая из которых за тысячелетие своего существования, подобно биологическому организму, переживает юность, зрелость и старость. Умирая, культура из живого организма перерождается в механическую «цивилизацию» – понятие бесплодия и гибели, когда уже невозможны качественные достижения, а лишь количественные. Отвергая теорию прогресса, Шпенглер писал, что западная «фаустовская» культура вступила в стадию гибели, а «русско-сибирская» культура только зарождается. Однако в его концепции отсутствует конечная цель и смысл истории. Шубарт был лично знаком со Шпенглером и, хотя сначала увлекся поставленной им темой, позже дал ему сдержанную оценку: «Если между культурами действительно нет соединяющих мостов, то и философия Шпенглера не может быть понята позднейшими культурами... и предыдущие культуры не могут быть поняты им, – а этого вывода он не видит» (Schubart W. Das Weltbild Oswald Spenglers. Rigasche Rundschau. 1936. Nr. 109. 12 Mai.)

малозначительное совпадение по времени, а единение людей во времени, общность их судьбы, что имеет, по меньшей мере, то же значение, что и принадлежность к одной нации.

Персы и иудеи с верной интуицией ограничивали число мировых эпох четырьмя. Действительно, имеются четыре архетипа, которые сменяют друг друга и в зависимости от своего доминирования создают гармоничного, героического, аскетического и мессианского человека. Они отличаются друг от друга той жизненной установкой, которую люди принимают по отношению ко Вселенной. Гармоничный человек воспринимает Вселенную как космос, одушевленный внутренней гармонией и не подлежащий человеческому управлению или упорядочению, а долженствующий быть лишь созерцаемым и любимым. Здесь нет и мысли об эволюции, а лишь полный покой – мир достиг своей цели. Так чувствовали гомеровские греки, китайцы эпохи Кун-цзы¹¹, христиане времен готики. Героический человек видит в мире хаос, который он-то и должен упорядочить своей преобразующей силой. Здесь все в движении. Миру ставятся цели, определяемые самим человеком. Так чувствуют древний Рим, романские и германские народы Нового времени. Аскетический человек переносит бытие как заблуждение, от которого он пытается скрыться в мистической сути вещей. Он покидает этот мир без надежды и без желания улучшить его. Так чувствуют индусы и греки-неоплатоники. Наконец, мессианский¹² человек чувствует себя призванным создать на земле более возвышенный, божественный порядок, образ которого он скрыто носит в себе. Он стремится создать вокруг себя ту гармонию, которую чувствует в себе. Так чувствуют первые христиане и большинство славян. Эти четыре архетипа можно определить следующими ключевыми положениями: согласие с миром, господство над миром, бегство от мира и освящение мира. Гармоничный человек живет в мире и со всем миром, связанный с ним в одно целое. Аскетический человек отвращается от мира. Героический и мессианский вступают с ним в противоборство. Первый – из желания полноты своей власти, второй – во имя и по воле Бога. Гармоничный и аскетичный человек – статичны, два других – динамичны. Гармоничный человек считает замысел истории исполненным, аскетический – исключает даже возможность когда-либо увидеть это исполнение. Оба они не предъявляют своему времени никаких требований. В противоположность этому, героический человек и мессианский хотят видеть мир иным, чем тот, который им представляется. Это волнует их и понуждает к напряжению всех сил. Поэтому их эпохи активнее и динамичнее других.

Картины мира у гармоничного и мессианского человека родственны между собой. Однако то, что первый воспринимает как данность, другой видит лишь как дальнюю цель. Для обоих, однако, мир – как возлюбленная, которой они отдают, чтобы соединиться с нею. В отличие от них, героический человек смотрит на мир как на рабыню, которую он попирает ногой; аскетический же человек – как на искусительницу, которой следует избегать. Героический человек не взывает смиренно к небу, а полный жажды власти, злыми, враждебными глазами смотрит вниз, на землю. По самому существу своему он все дальше и дальше удаляется от Бога, все глубже и глубже уходит в материальный мир. Секуляризация – его судьба; героизм – его жизнеощущение; трагизм – его конец. Мессианского человека вдохновляет не воля к власти, а настроенность к примирению противоречий и к любви. Он не разделяет, чтобы властвовать, а стремится к соединению разобщенного. Им движет не чувство подозрения и ненависти, а чувство глубокого доверия к сущности вещей. Он видит в людях не врагов, а братьев; в мире – не добычу, на которую надо набрасываться, а хрупкую материю, которую надо спасти и

¹¹ Кун-цзы, он же Конфуций (ок. 551–479 до Р.Х.) – древнекитайский мыслитель, основоположник конфуцианства.

¹² Слово «мессианский» происходит от еврейского – Мессия, что означает Помазанник Божий; на греческий переводится словом – Христос. Поэтому слово «мессианский» может употребляться в двух смыслах: а) для обозначения следования Христу – в этом случае оно совпадает со словом «христианский», это и есть подлинный мессианизм; 2) для обозначения чьих-то стремлений самому выполнять для мира спасительную роль, сходную с ролью Мессии. В этом втором значении часто присутствует элемент гордыни, для исключения которого было бы целесообразнее использовать иные понятия, напр., «миссианский», «миссианизм» – от слова «миссия». Оставляя в дальнейшем терминологию Шубарта, мы будем ее понимать исключительно в том специфическом смысле, какой в нее вкладывает автор.

освятить. Им движет чувство некоей космической взволнованности. Он исходит из ощущения целостности, которую он носит в себе и которую пытается восстановить в окружающем расколотом мире. Его не покидает тоска по всеобъемлющему и стремление сделать его осязаемым.

Кто смотрит на историю именно так, как на ритмичный процесс сменяющихся в ней архетипов и их земных воплощений, тот избегает соблазна относить смысл и цель мира к далекому конечному будущему. Ему нет нужды выдавать вексель на это неопределенное будущее. Для него, как для Ранке¹³, все времена «равны перед Богом», даже – героические, которые и знать не хотят о Боге. Каждый эон несет в себе смысл мира. Подобно паузе в мелодии, и безбожные эпохи имеют в космическом ритме свою функцию: лишь на фоне темных эонов светлые выступают во всей своей сияющей полноте. Только так для Божества возможно открывать себя человеческому роду. Привыкшие к свету, пресыщенные им глаза вряд ли узрели бы Божественное. Сумерки же обостряют зрение и побуждают искать свет.

История представляет собой наиболее захватывающую картину как раз в тот момент, когда одна эпоха меркнет, а за ней начинают проступать очертания новой; когда линия ритмической волны меняет свое направление; когда волна, достигнув низшей точки, прекращает движение вниз и начинает подъем на новый гребень. Это – не что иное как междувременье, апокалипсические моменты в жизни человечества. С ними приходит ощущение разрыва со всем прежним, хотя на самом деле происходит лишь вытеснение старого архетипа новым. Но переживание контраста между сегодня и вчера столь сильно, что человек смотрит на происходящее, повторявшееся и прежде бесчисленное множество раз, как на исключительный случай истории. Так появляются учения о делении истории на две части, особенно это свойственно религиям; их зарождение – это, как правило, прелюдия к целой эпохе. При этом на прошлое смотрят как на ошибку, в лучшем случае как на начало процесса, а в будущем ищут смысла и оправдания, в том числе и прошлого.

К такому междувременью относится XX век. Уже в течение десятилетий те немногие, коим доступно виденье дальних перспектив общего развития, сходятся в том, что на наших глазах что-то движется к концу. По Мережковскому¹⁴ – это постатлантическое человечество; по Унамуно¹⁵ – христианство; по Шпенглеру – тысячелетняя культура Запада; по Бердяеву¹⁶ – эпоха Ренессанса; по Фриду¹⁷ – капитализм. Это не просто отзвук настроений «сумерек века», которые, как считают некоторые поверхностные умы, свойственны исходу каждого столетия, – как будто внутренний ритм истории определяется датами, произвольно надуманными человеком.

Мы живем в переходное время, и это делает его столь же подвижным, сколь и противоречивым. Наше время преисполнено не только пессимизма, но и надежд. Над ним в одинаковой мере парит и роковое предопределение, и обетование. Мы переживаем несколько десятилетий мощных потрясений между угасающей и нарождающейся эпохами. Таким образом, на наших глазах умирает не раса и не культура – умирает эпоха.

¹³ Ранке, Леопольд фон (1795–1886) – немецкий историк, один из основателей историографии; разработал учение историзма о деятельности «реально-духовных индивидуумов в истории, которых следует понимать, исходя из них самих»; история развивается не на основе закономерностей, а как «неповторимая цепь событий».

¹⁴ Мережковский, Дмитрий Сергеевич (1866–1941) – русский писатель, вышел из мистически-богемных кругов дореволюционного «религиозного возрождения», стремившихся к реформации Православия – приближению его «к земле» и к «освящению плоти, половой жизни» (наподобие ветхозаветных соблазнов В.В. Розанова). Верил в наступление «третьего этапа христианства», соединенного с языческими идеалами античности. В эмиграции был популярен у западной читающей публики.

¹⁵ Унамуно, Мигель де (1864–1936) – испанский писатель и философ, сначала социалист, затем либерал, экзистенциалист.

¹⁶ Бердяев, Николай Александрович (1874–1948) – русский свободомыслящий религиозный философ (в молодости – марксист), наиболее популярный из русских эмигрантов в среде западных интеллектуалов. В книге Шубарта, несомненно, сказалось влияние некоторых идей Бердяева: как в подчеркивании «русской сути» большевизма, так и в устремлении к «новому средневековью» (Бердяев Н. «Новое средневековье». Берлин, 1923).

¹⁷ Возможно: Фрид, Альфред (1864–1921) – австрийский писатель, пацифист, лауреат Нобелевской премии мира 1911 г.

В последнее тысячелетие на европейской почве оставили свой след две эпохи: готическая и прометеевская. Готическая, возникшая из духовных потрясений XI века, продолжалась вплоть до XVI века и была воплощением архетипа гармонического человека. (Чтобы быть правильно понятым, подчеркиваю, что понятие "готическая" я не ограничиваю ни пространством германской расы, ни сферой влияния художественного стиля – готики). Насквозь пронизанный ощущением вечности, готический человек обращал свой доверчивый взор вверх. Все молитвенное тянулось вверх его храмы, и забывалась им юдоль земная. Готический человек заботился только о спасении души, об обращении к Богу и упокоении в лоне Его благодати. Однако между 1450 и 1550 годами происходит мощный поворот – переход в прометеевскую эпоху, отмеченную знаком героического архетипа. Новый человек обращает свой взор к земле, заглядывая в дали дальние вокруг всего земного шара, а уже не в выси безмерные. Лишь в результате этого начинаются физические и географические открытия, и речь уже идет не о спасении души, а об овладении миром. Новый человек жаждет быть господином земли и поэтому хочет быть без Бога. Я называю его прометеевским человеком по имени гордого титана, восставшего против богов, коварного владыки сил природы, провидящего (προ-μῆθεω)¹⁸, возжелавшего создать мир по своему плану. Прошло 500 лет; и опять мы на пороге новой эпохи. Сегодня над прометеевской культурой нависли черные тучи рока, из которых вот-вот поразят ее смертельные молнии. Европа идет к самой кровавой своей катастрофе, приближается к концу, неизбежно заложенному в ней от рождения. Этой роковой судьбы уже не изменить. Камень катится, и не только с 1914 года – он катится в течение четырех столетий. Но на горизонте уже брезжит нежная утренняя заря нового мира – провозвестница иоанновской эпохи с мессианским архетипом человека. В ней обнаружатся черты, родственные с эпохой готической, а потому ее будут столь же почитать и ею восхищаться, сколь прометеевский человек презирал ее и ненавидел. Теперь Европа всеми силами стремится к идеалам, которые существовали в Средневековье. А потому она все настойчивее, хотя и бессознательно, пытается в некоем акте всеобщего уничтожения освободиться от всего, что лежит между готикой и нынешним днем. Именно к этому с необычайно демонической страстью движется развитие последних десятилетий. Новый эонический архетип ищет своего воплощения в человеке. Запад, магически увлекаемый образом нового, начинает ненавидеть завершающуюся эпоху, которая еще стоит в плену другого архетипа. Я называю этот новый эон иоанновским, по Евангелию от Иоанна, поскольку ему в высшей степени свойствен дух согласия, любви и примирения. Особенно думаю я о стихе 17, 21, в котором пламенное желание переходит в молитву: «Да будут все едино». Эта борьба за всеединство и станет основополагающей чертой иоанновского человека.

Тут возникает одна трудность: несомненно существуют сообщества людей, проникнутые духом единого эона и все же совпадающие друг с другом не во всех существенных чертах. Есть национальные различия. Отдельные народы обладают свойствами, которые иногда переживают смену архетипов. Да, широко распространено мнение о наличии ярко выраженных национальных характеров, народной души, не подвластной влиянию времени. Следовательно, в жизни общества должны одновременно действовать переменные и постоянные факторы. Перемену вызывают эонические архетипы. Но что же тогда действует как постоянные силы истории?

Прежде всего это – дух ландшафта или земли, *genius loci*¹⁹, который пересекается с духом эпохи. Наряду с эоническими архетипами земля и климат соучаствуют в формировании человека. Они накладывают на его лик те черты, по которым и различаются народы и расы. В молитвах местным богам отдается должное как раз этим силам, этим чарам пространства, этому статичному принципу истории. – Из духа земли вырастает душа народа. Этот дух определяет его

¹⁸ Προμῆθεω (греч.) – предвидеть, Προμῆθεύς – предвидящий; как имя собственное – титан Прометей, укравший у Зевса огонь и при его помощи даровавший человечеству технический прогресс.

¹⁹ Дух местности (лат.).

постоянные национальные качества. В бесконечно широких, беспредельных равнинах человек особенно ощущает свою малость, свою затерянность. Величаво и спокойно взирает на него вечность, увлекая его от земли. Так зарождаются религии. Как много значили в религиозных судьбах человечества степи Китая и России, равнины Индии, пустыни Сирии и Аравии! Божественное просветление снизошло на Будду на широких равнинах Патны. Основатели других религий, как Христос, уходили в пустыни, чтобы воспринять откровение. – Совсем иной человеческий тип порождают горы. Если степь безмянна и безгранична, то в горах каждая вершина и долина имеют свое название и свою индивидуальность. Это способствует укреплению в человеке самостоятельности и в то же время – себялюбия, оригинальничанья; защищает от искусственной централизации, но и создает опасность раздробленности. Примеры тому – Эллада и Швейцария.

Суровая местность делает человека твердым, деятельным, заботящимся о будущем. Теплые, плодородные края развивают в нем склонность к созерцательности. Резкая грань между Севером и Югом, не объяснимая свойствами крови, проходит через большинство народов земли – итальянцев, испанцев, французов, немцев, через Китай с его северным городом (Пекин) и южным (Нанкин), через северо-американский континент, где различие между северным и южным человеком вылилось в самую кровавую войну американской истории. Америка во всех отношениях является примером чар пространства, обусловленности души местом обитания. Американский континент, на который столько рас выбрасывают свой живой товар, обладает силой вылепить из этой смеси кровей новый тип, заметно отличающийся от тех народов, чью кровь он в себя вобрал. За фасадом отпочковавшейся от Европы цивилизации оживает древняя индейская душа, например, в преступных сообществах больших городов. Другим примером такого рода являются евреи, развивающиеся по-разному в зависимости от страны своего проживания. Еврей в Германии гораздо ближе немцу, еврей во Франции ближе французу, нежели оба они – еврею русскому. Мрачная мистика хасидов²⁰ могла созреть только на восточной почве, в то время как кристально ясная система Спинозы²¹ там не появилась бы никогда. Третий пример формирующей силы земли я приведу из русской истории. Великий Князь Киевский Владимир, обративший русских в 998 году в христианскую веру, внук норманна Ингвара, то есть Игоря, был нордического происхождения²². Тем не менее из-за своего мягкого, ровного характера он был воспринят как истинно славянский князь, которого народ прославил. В национальную историю России он вошел как Святой Владимир.

Силы почвы фундаментальнее и прочнее сил крови. Почвенные силы меняются лишь в ходе миллионов лет, и если подойти к ним с короткой меркой человеческой истории – то они покажутся постоянными, в то время как силы крови, как все живое, подвержены законам старения. Тонкое чутье в этом плане проявляют англичане, когда они в вопросах национальной принадлежности отдают предпочтение "праву территории" – *jus solis* перед "правом крови" – *jus sanguinis*: каждый человек, родившийся на английской земле, получает английское гражданство вне зависимости от происхождения своих родителей и их гражданства. – Народы и расы не есть нечто изначальное – они являются образованиями, формируемыми уже духом ландшафта. Поэтому, проживая на одной и той же территории, чуждые расы становятся сход-

²⁰ «Благочестивые» (евр.) – фанатично-мистическое движение евреев, возникшее в первой половине XVIII в. и распространившееся на значительную часть еврейства России и Восточной Европы. Как отмечает «Еврейская энциклопедия», оценки хасидизма противоречивы; даже в еврейской среде звучали обвинения, что некоторые хасиды «запятнали себя кровью» (Дубнов С. «Введение в историю хасидизма» // «Восход», 1888, март). Хасидам свойственно напряженное ожидание их мессии; так, в связи с разрушением Советского Союза и празднованием еврейского праздника Ханука в Кремле глава хасидов в Нью-Йорке объявил о «скором пришествии еврейского мессии» (The Jewish Press. N.Y. 6.12.1991).

²¹ Спиноза, Барух (1632–1677) – философ-пантеист еврейского происхождения, живший в Голландии; был подвергнут раввинами «великому отлучению» (херему) за вольномыслие.

²² Это положение оспаривается современными учеными, утверждающими, что Игорь был западным прибалтийским славянином.

ными, а родственные, обитая на разных землях, становятся непохожими. Можно ли представить себе более резкий контраст, чем между индусами и германцами, – а ведь они принадлежат к одной, индо-германской расе. Романские народы и германцы отличаются от индусов больше, нежели от семитов Ближнего Востока. Достаточно сравнить правовые способности древних вавилонян (Хаммурапи²³), законническую религию иудеев, культуру юриспруденции римлян, идею оправдания у лютеран – с отличным от этого идеалом ненасилия у индусов (ахимса) от Вед²⁴ до Ганди²⁵, с отвращением к власти у русских от их истоков до Л. Толстого, дабы убедиться, что линия раздела проходит через эти расы посередине: индусы и русские стоят по одну сторону ее, семиты, римляне, романские народы и германцы – по другую. Происхождение многих русских писателей и поэтов показывает, насколько силы земли влиятельнее сил крови. И как раз те из них, кто считается истинно русскими по духу, имеют в своих жилах большую примесь чужой крови. Среди ближайших предков Пушкина был негр, у Лермонтова – шотландцы, у Жуковского – турки, у Некрасова – поляки; Достоевский по линии отца был литовцем; Л. Толстой – потомок немцев-переселенцев. В отличие от них, Тургенев – чистопородный русский, но как раз он из всех производит наиболее западное впечатление!

Кровь и земля – два различных элемента, которые в понятийном плане не имеют между собой ничего общего. Принципом крови руководятся кровные кланы, союзы людей одной крови, независимо от того, где они проживают. Принцип земли обуславливает территориальное единство людей, обитающих на данном пространстве вне зависимости от их крови. Внутреннее противоречие обоих понятий является предметом спора, касающегося личностного и территориального принципа современного уголовного и гражданского права. Дух ландшафта обуславливает различия в пространстве, дух эпохи – различия во времени. Если бы не было (расообразующего) духа ландшафта, то люди одной и той же эпохи были бы везде одинаковы в своих основополагающих духовных качествах. Если бы не было (расоизменяющего) духа времени, то люди одной территории были бы в сути своей всегда похожими. Одной из расхожих бессмыслиц современности является формула "кровь и земля", будто оба этих понятия выражают одно и то же.

Наиболее резкие возражения против учения об эонах выдвинут, конечно, представители расовой теории. Согласно их концепции, расы и народы являются носителями судеб мира, влияние же окружающей среды, природы, климата, национальной истории не имеет большого значения. Силы эона, в этой трактовке, имеют мешающий характер "поперечных волн", действие которых, по возможности, надо пытаться исключить. Пестрота истории объясняется у них сменой наций, из которых каждая в свой черед берет на себя лидерство. Изменения внутри каждого народа объясняются различными стадиями его зрелости. Однако законы природы, которым народ в целом несомненно подчиняется как организм, сами по себе еще не вызывают радикальных изменений в жизни народа. В этой связи открытым остается вопрос: чем объяснить, что целый народ – хотя бы те же греки – заканчивает свое развитие на полюсе, противоположном исходному? Ведь превращение в свою противоположность не заложено изначально в сущности организма. – Люди одной крови, но различных эпох, отличаются друг от друга не только возрастной Стадией своей расы, но и в своей основе, всем своим существом. Великую эпохальную перемену XVI века нельзя объяснить феноменом крови. Было бы неубедительным рассматривать Реформацию как "подростковый" протест германских народов на пороге их половой зрелости. Скорее здесь действует принцип духовный, который уже не объяснить из ощутимой действительности, и принцип этот – смена эонических архетипов. Надо оставить

²³ Хаммурапи – царь Вавилонии (1792–1750 гг. до Р.Х.), при котором был создан подробный свод законов рабовладельческого права.

²⁴ Веды – древнейшие индусские религиозные книги (гимны божествам, жертвенные формулы, ритуалы, заклинания), составлены с середины 2-го тысячелетия по VI в. до Р.Х.

²⁵ Ганди, Мохандас Кармчанд (1869–1948) – вождь и идеолог национально-освободительного движения в Индии.

попытки рационального его объяснения, смирившись с тем, что он таковому не поддается. Не стоит распылять свои силы в поисках материальных причин, которые ничего не могут доказать. Так, в 1500-е годы не великие открытия изменили настрой души. Наоборот, открытиям предшествует влечение к ним. Открытия не порождают новое жизнеощущение, а лишь подтверждают его наличие. Они являются не причиной, а следствием больших душевных перемен. Почему они происходят, почему как раз в данное время и в данной форме, – вопросы, покрытые метафизической тайной.

Расовая теория принуждает к зоологическому пониманию истории, когда на судьбы человеческой культуры смотрят с точки зрения развития биологического вида. Эта теория столь же материалистична, как и экономическая трактовка истории в марксизме. В противоположность той и другой, эоническое учение – как иррациональное понимание истории – делает акцент на духовной стороне человеческого существования, возвращая человеку его достоинство и самоуважение, которых его лишили материалистические утверждения.

Итог вышеизложенных соображений я могу резюмировать следующим образом. Есть два фактора, определяющие человеческую историю: постоянная власть земли и переменная власть эонических архетипов. Взаимодействие и противоборство этих двух противоположных принципов – земного и духовного, борьба между архетипами, сменяющимися друг друга, определяют как содержание судеб человеческой культуры, так и трудность ее научного объяснения.

Смена эпох исключает возможность формирования стойких черт национального характера. Есть только отдельные национальные свойства, а именно – связанные с силами земли. Проявляются они с разной силой – в зависимости от того, с каким эоническим типом они совпадают. Также и способ, которым человек принаравливается к ландшафту и к его воздействию – доверяясь ли ему или абстрагируясь от него, – есть характерная черта эпохи. Поэтому даже постоянные свойства нации порою неустойчивы в интенсивности своего проявления. Они могут доминировать в общем духовном облике народа, а могут и затеняться другими свойствами так сильно, что становятся едва различимыми.

Когда постоянные черты нации совпадают с основополагающими чертами эонического архетипа, народ достигает вершины своей культуры, что может совпасть, а может и не совпасть с апогеем его политической мощи. Если дух ландшафта родствен духу эпохи, они притягивают друг друга и усиливают свое воздействие. Если же они разнородны, то ввергают людей в мучительные судороги и конфликты. Россия двух последних столетий являет собою потрясающий пример такого возможного противоречия между духом ландшафта и духом эона. – Развертывающийся во времени архетип не везде встречает одинаковые местные условия. Где-то он находит благоприятный для себя уклон, по которому легко и свободно скользит в реальную жизнь. Где-то он наталкивается на упорнейшее сопротивление. Соответственно, судьба эона связана с характером ландшафта довольно своеобразным способом. Иначе говоря: каждая эпоха имеет свои региональные основы и предпосылки развития. Эти тонкие взаимоотношения между эоном и ландшафтом открылись пророку Даниилу, когда он предвидение о четырех возрастах мира связал с идеей о четырех царствах – гениальное прозрение во тьму веков. Вот что прозрел Даниил, хотя и не высказал этого четко: со сменой эона меняется и арена истории. На передний ее план выступают те народы, которые благодаря своим постоянным национальным свойствам, то есть силам своего ландшафта, имеют благоприятные условия для реализации человеческого типа, предписываемого всей эпохой. Отсюда становится понятным возвышение Пруссии среди других немецких племен, все возрастающий перевес немецкого Севера над Югом и Западом; и этот перевес становится тем более очевидным, чем больше происходит вытеснение готического архетипа * не только в Германии – архетипом прометеевским. Немец не потому становился все более пруссаком, что Пруссия захватила лидерство в Германии, а наоборот: Пруссия возвысилась потому, что племенные свойства сделали ее наиболее пригодной для воплощения общего идеала того времени. Пруссак, как и его ландшафт, – холоден,

трезв, расчетлив, лишен фантазии, интересуется только политикой, предпринимательством и войной. Именно такому человеческому типу суждено было, в известных пределах, взять на себя роль духовного лидера в эпоху безрелигиозности и земных интересов. Пруссак, наряду с англосаксом, был образцом своего времени. Таким, каким он в принципе был всегда, теперь старался стать каждый. Ему подражали и русские со времен Петра I, и итальянцы со времен Муссолини, и японцы в течение ряда десятилетий.

Эмансипация и рост власти евреев в последние 150 лет тоже пример того, что народ становится душевно и духовно тем влиятельнее, чем больше его постоянные свойства характера соответствуют архетипу эпохи. Находящийся в плену прометеевского идеала европеец – особенно северный, с его деловой хваткой и рационализмом – все больше уподобляется еврею диаспоры и все больше поддается еврейскому влиянию. В готическую эпоху считалось позорным делать гешефт и заниматься ростовщичеством. Сегодня же восхищением и признанием пользуется тот, кто делает это с успехом и без всякого зазрения совести. В Прометее все заметнее проступает облик Агасфера²⁶ – вечного, гонимого жида. Но это происходит не потому, что евреи в течение многих поколений целенаправленно стремились к европейскому образу мышления, который наиболее соответствовал их собственным интересам. Для этого у них нет ни духовной, ни материальной власти – духовной особенно. (Безнадежное невежество евреев постоянно обличается в летописях Средневековья как одна из самых ярко выраженных их черт.) Скорее получилось так, что те душевные изменения, которые со времен Реформации произошли у западноевропейцев, пошли на пользу евреям и те смогли воспользоваться этими изменениями, не будучи их причиной.

Готическая эпоха создала духовное единство западной Европы. До этого в Европе были лишь племена и народности. С угасанием готики здесь остались опять-таки лишь отдельные образования – национальные государства. То, что мы сегодня еще имеем от западного чувства общности, – лишь жалкие остатки драгоценного наследия, почти полностью растраченного. Понятие и реальность западной Европы – в готической культуре. Эта была синтетическая культура. В ней преобладали цементирующие силы. Потому одной из главных ее задач было устранить противоречия между Севером и Югом и не допустить региональной раздробленности. В римских походах германских императоров, в создании Римской империи германской нации²⁷, даже в спекулятивной схоластике того времени обнаруживается твердая решимость к слиянию готически-христианской культуры с античной культурой Средиземноморья. Тем не менее, напряженность между Севером и Югом чувствовалась на протяжении всего готического эона; она проникла и вглубь прометеевской эпохи. Даже жизнеощущение Гете еще у нее в плену. Вторая часть "Фауста" представляет собою грандиознейшую, хотя и неудавшуюся попытку примирения Севера с Югом, германцев с греками. Вместе с романтизмом²⁸, последним отзвуком готической культуры, иссякает и притягательная сила Юга. Что для сегодняшнего европейца античная культура? Воспоминанье, миг отдохновения, любительское увлечение – но только уже не судьба!

²⁶ Агасфер – «Вечный жид»; согласно легенде, он оскорбительно отказал Христу в кратком отдыхе во время Его страдальческого пути на Голгофу, за это Агасферу самому было отказано в покое могилы, он обречен на вечные скитания до второго пришествия Христа.

²⁷ «Священная Римская империя германской нации» – основана в IX–X вв., включала в себя германские, итальянские, славянские и др. земли. Подчеркивала свою преемственность христианской традиции от римского Императора Константина Великого. Сначала называлась «Римская империя», с 1157 г. – «Священная империя», с 1254 – «Священная Римская империя»; слова «немецкой нации» добавлены в XV в. Формально прекратила существование в 1806 г. в ходе наполеоновских войн.

²⁸ Романтизм – идейное и художественное движение 1-й половины XIX в. в Европе и Америке, отразившееся во всех областях культуры и искусства. Романтизм был разочарованием в рационалистической идеологии Просвещения, противился наступлению буржуазно-капиталистического духа, стремился к идеализации средневекового прошлого, к гармоничности человеческих отношений, к мистике и религии – но не доходил до ясного понимания христианства. В Германии это, напр., Шлегель, Шеллинг, Шлейермахер, Новалис, Баадер, Гёльдерлин, Р. Вагнер.

В прометеевскую эпоху господствуют разъединительные силы, сказывающиеся незамедлительно и в региональном плане. Прометеевская культура начинается с отпадения Севера от западной Европы. Сначала это произошло в церковной сфере – в виде Реформации. В политике дело Лютера²⁹ повторил Фридрих II Прусский³⁰. В обоих случаях речь идет об одном и том же – о протесте Севера, о покушении на европейское единство. Прометеевская культура уже не ищет дружбы с культурами Средиземноморья, они противны ей, и она старается от них отделаться. "Прочь из Рима" – вот ее лозунг. Новая культура – это культура нордическая. В резком проведении Шпенглером различия между фаустовской³¹ и античной культурами, в отрицании им какой бы то ни было зависимости одной от другой – это своеволие нордической культуры проявилось с предельной отчетливостью. Чем больше она утверждалась, тем дальше на Север сдвигался центр тяжести европейской культуры. В упорном трудолюбивом человеке северных стран героический архетип нащупал для себя благодатный материал. Развитие идет с точным соблюдением законности, без рывков, постепенно. Проходят еще столетия – пока Север начинает доминировать. Даже XVI век принадлежит еще итальянцам и испанцам. XVII век французы с полным правом называют своим *grand siècle*³². Затем лидерство переходит к Германии. Наконец, очередь доходит до англосаксов и скандинавов. Тем самым отход Севера от единой Европы и его победа становятся очевидны. Нижнегерманцы и англосаксы, пруссаки и пуритане³³ – и есть, собственно, титаны современной технократии.

В иоанновскую эпоху центр тяжести культуры снова сместится. Потому что эон мессианского человека с его религиозной душой не может смириться с духовным лидерством северных народов, привязанных к земному. Он передаст лидерство в руки тех, кто обладает склонностью к сверхмирному в виде постоянного национального свойства, а таковыми являются славяне, и в особенности – русские. Грандиозное событие, которое сейчас готовится, – это восхождение славянства как ведущей культурной силы. Возможно, это кому-то режет слух, но такова судьба истории, которую никому не дано остановить: грядущие столетия принадлежат славянам. Северная культура идет к своему концу, ее место занимает восточная культура. Иоанновская эпоха будет эоном славян.

Для обретения более широкой перспективы при рассмотрении проблемы Восток-Запад придется начать речь издалека, чтобы не свести ее к вопросу сугубо специальному, историческому или политическому. Чтобы понять сущность взаимосвязей и взаимоотношений между Востоком и Западом во всей полноте, надо поставить их в широкие рамки всемирной картины. Надо увязать их с последними вопросами человеческого бытия. Иными словами: надо сделать их предметом философского рассмотрения. Кто занимается историей, не будучи философом, тот просто хроникер.

У русских, с их четко выраженной способностью к цельному созерцанию, всегда было сильно развито чувство, что ничто не следует рассматривать в отдельности.

²⁹ Лютер (Luther), Мартин (1483–1546) – глава бюргерской Реформации в Германии, основатель в 1517–1520 гг. протестантизма (лютеранства). Выступил против ложных сторон католицизма, но не с целью восстановления истинной Церкви, а с целью отмены Церкви и священства вообще, заменив ее собранием верующих и своим толкованием Библии. См. о нем далее в книге Шубарта.

³⁰ Фридрих II (1712–1786, король с 1740) – прусский король, при котором Пруссия в ряде войн расширила свою территорию и выдвинулась в качестве могущественного соседа Австрии во внутри германском соперничестве. Массон.

³¹ Термином «фаустовская» Шпенглер называл западноевропейскую культуру. Фауст – герой германской легенды времен Реформации об ученом (известен и реальный чернокожничник с таким именем), который заключил союз с дьяволом ради знаний, богатства и мирских наслаждений. Сюжет позже многократно использован в литературе (Гете и др.).

³² Великий век, великая эпоха (франц.)

³³ Пуритане – название английских протестантов эпохи Реформации, последователей кальвинизма (см. прим. 94), уверенных в своей богоизбранности, внешним признаком которой считается богатство. Пуританизм стал идеологией Английской буржуазной революции XVII в., а также сыграл большую роль в формировании духа английских колоний в Северной Америке.

Как только они стали заниматься собой, их мысль – от Чаадаева³⁴ до евразийцев³⁵ – вертится вокруг вопросов: кто мы по отношению к Европе? Неполноценные или просто более молодые? Или совсем другие? Запоздавшие последыши европейской культуры или провозвестники новой культуры Востока? Эти вопросы сводятся к одному, более общему: что разделяет народы – разница в возрасте или противоположность типов? А это уже касается последних проблем: каковы определяющие факторы истории? В чем ее смысл? Кто рассматривает судьбы народов в такой плоскости, тот расширяет рамки их исследования до всеобщей философии культуры. Именно так будем рассматривать эти проблемы и мы.

³⁴ Чаадаев, Петр Яковлевич (1794–1856) – масон (с 1814 г.) и сторонник декабристских идей; в 1828–1836 гг. наиболее яркий выразитель идей русского западничества («Философические письма», 1828–1831); с 1836 г. переход от критики «отсталой» России к вере в ее великое будущее («Апология сумасшедшего», 1837), однако по-прежнему в рамках западных критериев культуры. В дальнейшем симпатизировал революционно-демократическим идеям.

³⁵ Евразийское движение возникло в 1920-е гг. в русской эмиграции из разочарования предательским поведением Запада – как попытка «бежать от Европы» в построение собственной цивилизации на евразийских просторах.

Противоречие между Западом и Востоком как проблема культуры

Чувство неуверенности и подавленности впервые закрадывается в прометеевскую культуру с именами Руссо³⁶ и Шопенгауэра³⁷. Возникают симптомы культурной усталости, пресыщенности, духовных падений. Европейский континент охватывает нарастающее беспокойство, которое неизменно сопутствует чувству гордости за свою культуру и осознанию прогресса, что приводит в конечном счете к отрицательной оценке любой культуры, в том числе и существующей. Появляется целый ряд пессимистически настроенных философов культуры – от Шопенгауэра и Ницше до Шпенглера и Клагеса³⁸. Все они – больная совесть Европы. Первым, кто не просто смутно почувствовал этот процесс, но и четко осознал, будучи в стороне от него, – был, однако, Киреевский³⁹. Уже в 1852 году он высказал смелое утверждение, что Европа стоит на пределе своих возможностей и в своих ведущих умах она пришла к осознанию или, во всяком случае, к предчувствию своей узости и односторонности. Чем сильнее теряла она внутреннюю уверенность, тем более заискивающе обращала свой ищущий взор на другие культуры. Этим объясняется все ее увлечение древними греками. Так покинутый красавицей и павший духом мужчина вновь добивается ее благосклонности. «Каждый по-своему является греком» – этого требования Гете греки не предъявляли даже к себе. Разве в этом стыдливом взгляде, искоса бросаемом на Элладу, не угадывается краска смущения и весь характер классицизма как бегства, родственного в своем главном чувстве романтизму и слившегося с ним в Бёклине⁴⁰, Маре⁴¹ и Фейербахе⁴²? – Прометеевский человек ищет вокруг себя чужие ценности, поскольку собою он уже не удовлетворен. И в этом плане поворотный пункт был обозначен Шопенгауэром, Он первым обратил внимание своих современников на мир Индии, и хотя он не мог пробудить в себе индусского жизнеощущения, все же он ввел древнеиндусскую мудрость в свое по-гречески воспитанное сознание. Тем самым он не только положил начало скептической критике культуры, но был первым в ряду тех, кто стал искать в Индии дополнительные ценности для прометеевского человека. За Шопенгауэром последовали по этому пути Вильгельм фон Гумбольдт⁴³, Э. фон Гартман⁴⁴, Рюккерт⁴⁵, Дейсен⁴⁶, К.Е. Нейман⁴⁷ и многие

³⁶ Руссо, Жан-Жак (1712–1778) – философ-деист, один из главных представителей рационалистического Просвещения. Главное произведение – «Об общественном договоре, или Принципы политического права» (1762) – стало «катехизисом» новой религии разума, предполагающей построение государства не на следовании Божью замыслу, а на человеческой «Всеобщей воле», которая провозглашается «абсолютной». Эти идеи легли в основу Французской революции 1789 г. и современной демократии.

³⁷ Шопенгауэр, Артур (1788–1860) – немецкий философ, на идеях Канта, Платона и Веданты развил учение о мире как объективации воли, лежащей в его основе.

³⁸ Клагес, Людвиг (1870–1956) – немецкий психолог и философ, отстаивавший ценность души в противоположность мешающему ей «духу» и давший пессимистическую оценку человеческой цивилизации как губительной для жизни.

³⁹ Киреевский, Иван Васильевич (1806–1856) – основоположник (наряду с Хомяковым) славянофильства.

⁴⁰ Бёклин, Арнольд (1827–1901) – швейцарский художник и скульптор, изображавший таинственный фантастический мир; представитель идеализма в немецкой живописи XIX в.

⁴¹ Маре, Ханс фон (1837–1887) – немецкий живописец-идеалист, изображал мечту о «золотом веке», мифологические темы.

⁴² Фейербах, Ансельм (1829–1880) – немецкий художник-идеалист, создал монументальные полотна с мифологическими сюжетами.

⁴³ Гумбольдт, Вильгельм фон (1767–1835) – немецкий ученый-языковед и государственный деятель, дипломат, философ.

⁴⁴ Гартман, Эдуард (1842–1906) – немецкий философ-идеалист, противник теизма, выдвинул понятие «бессознательного» как всемирной воли, развил пессимистический взгляд на эволюцию как путь Вселенной к уничтожению.

⁴⁵ Рюккерт, Фридрих (1788–1866) – немецкий поэт, впервые стал переводить на немецкий арабскую, персидскую, индийскую, китайскую поэзию.

⁴⁶ Дейсен, Пауль (1845–1919) – немецкий философ, последователь Шопенгауэра, первым из немцев основательно исследовал

другие. Но еще до них два других ума, порожденных Европой, – Лейбниц и Гете – высказали предположение, что только совмещение восточного и западного душевных типов могут создать цельного, совершенного человека. Лейбниц⁴⁸, с его устремленностью к гармонии и сглаживанию противоречий, рекомендовал – в "Novissima Sinica" – создание западно-восточных академий для поощрения духовного обмена (одну из них он предусматривал и в Петербурге). Гете свое восхищение Востоком высказывал в "Западно-восточном диване": «Признайте же – поэты Востока Выше нас, поэтов Запада».

Это уже не высокомерие Европы по отношению к βάρβαροι⁴⁹ и язычникам. И Лейбницу, и Гете виделся, пока еще смутно и расплывчато, мощный идеал всеобъемлющей единой западно-восточной культуры. «Божий Восток, Божий Запад...», «Восток и Запад больше не разделить...»

На последнем этапе этого развития прометеевский человек сталкивается с самым юным носителем восточного духа – с русскими. Тут надо назвать прежде всего имя Гердера⁵⁰. Даже славяне считают его своим пробудителем, отцом их духовного возрождения, каковым он и стремился прослыть. Во всяком случае, он был первым европейцем, кто смог, полный участия и любви, проникнуть в русскую сущность – особенно во время своего пребывания в Риге (1764–1769) – и высказать об этом мысли, для того времени совершенно необычные. Он писал о культурной усталости Европы еще до появления Гете, и он назвал Россию страной будущего для человечества – еще до того, как Державин создал оду "Бог", одно из самых ранних русских поэтических произведений. Но самое удивительное в том, что свои большие надежды на Россию он связывал не с юностью русского народа и нерастраченностью его сил, а с неповторимостью его души. Он видит в русских будущих носителей высшей человечности, прирожденных освободителей и обновителей человеческого рода, единственных, кто способен и достоин воплотить в себе гердеровский идеал добра – и это в 1765 году, за сто лет до появления "Преступления и наказания" Достоевского. Это было поистине одно из величайших прозрений, когда-либо выпадавших на долю европейца. Гердер предостерегал русских от втягивания их в «европейскую суматоху». Он хотел, чтобы они оставались восточными людьми. Он видел их национальную миссию в единении европейской и азиатской жизни. Гердер никогда не увлекся бы так славянской сущностью, если бы сам, хотя бы частично, не носил ее в себе. В Гердере много славянских черт, достоинств и недостатков. Он подвижен, порывист, полон противоречий, незрел, гениален, подвержен малейшему впечатлению. Предтеча романтизма, он любит кажущееся произвольным многообразие всего растущего. Он ненавидит Канта⁵¹ и жесткие правила рационализма. Он – "un Prussien libéré"⁵². Но, имея он душу Декарта⁵³ или Канта, он никогда не полюбил бы русских, а кто их не любит – тот никогда и не поймет.

довал историю индусской философии.

⁴⁷ Нейман, Карл Ойген (1865–1915) – немецкий специалист по Индии и переводчик.

⁴⁸ Лейбниц, Готфрид Вильгельм фон (1646–1716) – немецкий философ-идеалист, крупный ученый; развивая мысли Платона, выдвинул идею «монад» – психических деятельных первоэлементов бытия. В 1711–1716 гг. несколько раз встречался с Петром I во время его зарубежных поездок, предлагая создать в России Академию наук. «Novissima Sinica» (Лейпциг, 1692) – сборник новейших материалов по Китаю.

⁴⁹ βάρβαροι (греч.) – иноземцы (негры)

⁵⁰ Гердер (Herder), Иоганн Готфрид фон (1744–1803) – немецкий философ, культуролог (исследователь народного творчества), переводчик, вдохновитель литературного движения «Бури и натиска» (Sturm und Drang – эмоциональный бунт молодого поколения против рационализма во 2-й половине XVIII в.), предтеча романтизма, масон, уделял внимание странам Востока.

⁵¹ Кант, Иммануил (1724–1804) – крупнейший немецкий мыслитель, родоначальник философии немецкого идеализма как отхода от живого христианского Бога – к идее Абсолюта. Канту дается достаточная характеристика далее в этой книге.

⁵² Освобожденный пруссак (франц.)

⁵³ Декарт, Рене (1596–1650) – французский философ-идеалист и математик, основоположник рационалистического метода философии Нового времени на основе человеческого разума, рассматривающего мир как четко сконструированный механизм (картезианство, от латинизированного имени Декарта – Cartesius).

Ряд европейцев, обращавшихся в своих поисках к русскому Востоку, находит продолжение в лице Франца фон Баадера⁵⁴, писания которого оказывали длительное влияние на Чаадаева и которые с большим увлечением читал царь Александр I. Баадер принадлежал к тем немногим западным мыслителям, которые вспомнили о существовании восточной формы христианства. Столь серьезные исследования о восточной Церкви, как у Баадера, стали снова появляться в европейской литературе только в XX веке (например, Карл Голль⁵⁵ и Фридрих Гейлер⁵⁶).

Европа послеромантического периода совершенно отвратила свой взор от русского Востока. Все сильнее проявлялась национальная гордыня западных народов, уже не желавших заимствовать что-либо у других культур. Все смелее, от успеха к успеху, вторгалась современная цивилизация в сферу техники и точных наук. Прометеевская культура стояла в зените своих достижений, своей действенной силы и гордого самоосознания. Она казалась себе вершиной и оправданием всех доселе существовавших культур и уже не ощущала потребности в заимствовании из других культурных ценностей. В упоении прогрессом замолкли голоса предостерегающих и сомневающихся. Отстраненно и одиноко протекала во времени струя культурного пессимизма Ницше. Примечательно для тогдашних настроений, что появившийся в 1880-е годы первый немецкий перевод "Записок из мертвого дома" Достоевского остался совершенно незамеченным. С трудом было продано 150 экземпляров, остальное пошло в макулатуру. Правда, со временем весьма благосклонно были встречены некоторые шедевры русского искусства, музыки и литературы, но в целом Россия была для Запада страной, духовные ценности которой оставались столь же невостребованными, как и богатства ее недр. Те же, кто мог бы стать самым активным посредником между Западом и Востоком – балтийские немцы, – как раз пустили в ход самые неверные суждения о русских. (Взять, например, Гарнака⁵⁷ с его критикой восточной Церкви.) Они смотрели на Восток с предубеждением, с ощущением некоей противоположности себе, с ненавистью или страхом, почему и не поняли Востока, однако сумели сделать вид, будто понимают его. Мнение, что Россия является отсталой частью Европы, больше всего утверждалось именно балтийцами.

До 1917 года русская культура и русский характер были почти неизвестны Западу. Там знали главные произведения Л. Толстого, Тургенева, Достоевского, несколько симфоний и опер Чайковского, возможно, несколько народных песен и романсов, возможно, несколько произведений Горького или Андреева. И это все. Пушкина, Лермонтова, Гоголя или Чехова знали лишь понаслышке. О Тютчеве, Некрасове, Островском и Арцыбашеве⁵⁸ даже не слышали. Вопрос о том, есть ли у русских своя философия или живопись, на Западе даже не ставился. Когда один из моих друзей в 1910 году порекомендовал немецкому философу Зиммелю⁵⁹ работы В. Соловьева⁶⁰, Зиммель с удивлением признался, что такого имени никогда не слышал. Интересно, что бы сказали на Западе об образованном русском, который не знал

⁵⁴ Баадер, Франц Ксаверий (1765–1841) – немецкий философ-мистик.

⁵⁵ Голль, Карл (1866–1926) – немецкий протестантский профессор истории Церкви.

⁵⁶ Гейлер, Фридрих (1892–1967) немецкий протестантский теолог, профессор истории религии и философии.

⁵⁷ Гарнак, Адольф (1851–1930) – немецкий протестантский теолог, историк Церкви, имевший большое влияние в своей области.

⁵⁸ Арцыбашев, Михаил Петрович (1878–1927) – русский либеральный писатель, у которого обличение «произвола царских властей» сочеталось с натуралистическими описаниями ужасных сцен, сексуальной распущенности и т. п. – что принесло ему скандальную известность; в 1923 г. эмигрировал в Польшу.

⁵⁹ Зиммель, Георг (1858–1918) – немецкий философ-идеалист, представитель «философии жизни» (все существующее есть форма проявления изначальной жизненной реальности, постигаемой лишь интуитивно); социолог.

⁶⁰ Соловьев, Владимир Сергеевич (1853–1900) – крупнейший по размаху русский философ (в ранней молодости – нигилист и социалист), приобрел известность идеями теократии, соединения католической и православной Церквей при светской власти русского Царя и духовной власти римского Папы, идеей «всеединства» духовного мира, учением о Софии как «душе мира» и связанным с нею эротическим представлением о «Вечной женственности».

бы имени Лейбница? Возможно, в некоторых книгах по истории искусств упоминались парой строк картины Верещагина или Репина, но другие русские живописцы, как демонический Врубель, талантливый портретист Серов, рано умерший Рябушкин, задумчивый мастер пейзажа Левитан – и по сей день остаются неведомыми для Запада величинами. И это в то время, когда техника передвижения все больше сокращает расстояния между странами, а народы, занимаясь раскопками, ищут самые незначительные изделия умерших поколений с таким усердием, как если бы речь шла о спасении души. Парадоксальность этого явления, кажется, еще не дошла до сознания Запада.

Война 1914 года изменила ситуацию. Прежде всего эта перемена коснулась тех народов, которым пришлось скрестить оружие с русскими. Миллионы немцев и австрийцев ринулись в неведомое пространство Востока, поставив перед собой и своими народами вопрос: кто же они такие – эти русские? Вслед за этим большевицкая⁶¹ революция с ее непостижимыми загадками вновь магически приковала взоры Запада к Востоку. К тому же после войны сдерживаемая какое-то время самокритика Запада вспыхнула с новой силой, похоронив или поколебав удобное высокомерие прогресса и чувство безопасности цивилизации. Настроение упадка стало доминировать не только у побежденных народов, и это снова заставило Европу искать помощи за пределами своей культуры. Наконец, в 1918 году происходит событие эпохального значения – русская эмиграция. Она, хотя это сейчас и мало кто видит, является для взаимоотношений Востока и Запада, а следовательно, и для духовной судьбы Запада чем-то более значительным, чем тот поток культурных людей, который хлынул в Европу в 1453 году после захвата турками Константинополя. Только с этим явлением можно в какой-то степени сравнить русскую эмиграцию, но она никак не напоминает эмиграцию из Франции в период религиозных и революционных потрясений. Стоит только представить себе: три миллиона человек с Востока, принадлежащих большей частью к духовно ведущему слою, влились в европейские народы и возвестили им культуру, которая до того времени была Западу почти неизвестна и недоступна. Это событие должно вызвать длительные последствия, которые станут отчетливо видимы лишь спустя десятилетия. Поэтому 1918 год являет собою глубокий перелом в духовных связях Востока и Запада. С этого времени на Западе оживился и стал расти не просто интерес к ценностям русской культуры, но и понимание ее, и это относилось, в отличие от прежнего, не только к музыке и литературе, но и впервые – к русской философии и к русской форме христианства. В новых, написанных в изгнании работах и в новых журналах, издающихся на языках приютивших их стран, русские мыслители и писатели, нередко в сотрудничестве с европейскими учеными, обращались к окружающему их образованному миру и находили доступ к западным читателям легче, чем прежде в России. Я не упускаю из виду, что влиятельная сила русскости в последние годы несколько ослабла. Кое-где ненависть к большевизму приводит к отрицанию всего русского вообще, препятствуя тем самым оживлению Запада Востоком. Не отрицаю я также и того, что увлечение русскими в первые послевоенные годы было отчасти модой, которая прошла, не оставив заметного следа. Тем не менее в глубине прометеевской души эволюция неудержимо продолжается. Стремление на Восток не дает ей покоя как неизбывная тоска по какому-то восполнению, как потребность закрыть в себе некий пробел – и этот голос культурной совести нельзя надолго ни усыпить, ни дезориентировать пустым фразерством. Прометеевская культура, согласно присущему ей внутреннему закону, стихийно стремится к русскому из ощущения своей ущербности. Славянский Восток идет навстречу этому стремлению, но совсем по другим мотивам: его толкает на это не щемя-

⁶¹ О прилагательных "большевицкие" и "большевицкий". Первое из них образовано от слова «большевик» (так же, как «кулак» – «кулацкий», «рыбак» – «рыбацкий»); второе – от более позднего слова «большевизм». Поскольку слово «большевик» появилось гораздо раньше слова «большевизм», до революции в русском языке утвердилось прилагательное «большевицкий», которое сохранилось и в зарубежной печати. В переводе книги зарубежного автора той эпохи мы считаем уместным оставить это первоначальное выражение.

щее чувство собственной недостаточности, а пьянящее чувство избытка. Европа никогда не испытывала такого чувства, а потому она никогда и не претендовала на какую-либо миссию по отношению к России. В лучшем случае она жаждала экономических выгод, концессий. Россия же – почти целое столетие – вынашивает по отношению к Европе мысль о своем призвании, что в конечном счете стало русской национальной идеей. Россия не стремится ни к завоеванию Запада, ни к обогащению за его счет – она хочет его спасти. Русская душа ощущает себя наиболее счастливой в состоянии самоотдачи и жертвенности. Она стремится ко всеобщей целостности, к живому воплощению идеи о всечеловечности. Она переливается через край – на Запад. Поскольку она хочет целостности, она хочет и его. Она не ищет в нем дополнения к себе, а расточает себя, она намерена не брать, а давать. Она настроена по-мессиански. Ее конечная цель и блаженное упование – добиться всеединства путем полной самоотдачи. Так думал Соловьев, выразив в 1883 г. такую примечательную мысль: «Будущее слово России – это сказанное в союзе с Богом вечной истины и человеческой свободы слово примирения между Востоком и Западом»⁶².

Восток и Запад – не только географические понятия, но и понятия, определяемые строем души. Расколота, тесная, разъединенная Европа подчинена иному духу ландшафта, нежели Азия с ее безграничной далью равнин. Местные условия и возможности диктуют Европе формирование человеческого типа, отличного от восточного. Азия стала истоком всех больших религий, Европа не дала ни одной. Лишь единственный раз на Западе появилась культура, обусловленная религией, – в эпоху готики – и то натолкнулась на сопротивление и нападки. Дважды, в эпоху Древнего Рима и прометеевской культуры, стояла Европа под знаком героического человека, который очень редко возникает в Азии, за исключением разве семитских народов.

Проблема Востока и Запада – это прежде всего проблема души. Она была темой уже древнегреческой культуры, пытавшейся подчинить строгим эллинистическим формам богатое наследство Востока. То же самое внутреннее противоречие между восточным и западным мироощущением раскололо и Римскую империю, как позже и христианскую Церковь – на восточную и западную части. В Средневековье западно-восточная проблема представлялась как противостояние между христианством и исламом. Даже Гете застал ее в этом виде. Сегодня она предстает перед человечеством в своем новом, возможно, последнем обличье: как противоречие между Россией и Европой. Этой темой вдохновилась русская мысль в сороковых годах прошлого века, ею же заканчивает ныне и европейская мысль. Это первая проблема иоаннической и последняя – прометеевской культуры, главный вопрос будущей духовной жизни, а не просто вопрос внешней политики для России и Европы! Между восточной и западной установками души намечается сближение большого размаха, которое определит культурную судьбу грядущих поколений. Ибо только в направлении примирения, взаимооживления и взаимооплодотворения можно найти решение этой грандиозной проблемы. Здесь ни одна из сторон не может повергнуть другую, а может только проникнуть в нее. Никогда прежде, даже во времена римских цезарей, не была Европа столь далека от понимания Востока и его души, как в прометеевскую эпоху. Противоречие между Востоком и Западом достигло высшей точки своего напряжения, но столь же велико и стремление к его изживанию. Напряжение это старо, как мир, но осознанная борьба за снятие его еще не настала, по крайней мере в Европе. Это будет самой последней и самой серьезной темой для европейского духа.

Какие возможности при этом появятся! Какие перспективы откроются перед примирившимися континентами Запада и Востока! Какая цель – слить снова воедино распавшееся на две половины человечество, полностью использовать душевные возможности, распределенные

⁶² Мысль, подобную в приведенной цитате, В. Соловьев высказывал с 1882 г. постоянно в самых разных работах, напр.: «Великий спор и христианская политика» (1883–1887).

между двумя существенно разными частями земли, создать новый человеческий тип, вбирающий в себя лучшие черты Востока и Запада! Вот она – проблема взаимоотношений между Западом и Востоком, и никак не меньше. Проблема последняя не только хронологически, перед которой поставлена Европа, но последняя и в плане эволюции духа, которую вообще можно себе ставить. Не странно ли видеть в такой ситуации умные головы, с необычайным воодушевлением считающие тычинки цветка или комментирующие древнее морское право Амальфи⁶³! Как можно заниматься такими пустяками в то время, когда на горизонте вырисовываются очертания грандиознейшей духовной задачи, когда-либо стоявшей перед человечеством: задачи примирения Востока и Запада, рождения восточно-западной культуры.

Задача живой мысли состоит в том, чтобы довести смутное подспудное течение эпохи до ее сознания. Применительно к настоящему это означает развертывание проблемы взаимоотношений между Западом и Востоком во всей ее значимости и трудности. Дело не в том, чтобы воспротивиться натиску чужих народов: для этого было бы достаточно выставить армию. Дело в том, чтобы дать когда-нибудь возможность душевным токам восточного и западного мира пронизать друг друга для взаимного оплодотворения. – Академическая философия Запада до сих пор едва ли замечала этот вопрос. Если же ее натолкнуть на него, она сочтет его второстепенным и ненаучным, поскольку смотрит только назад и коллекционирует только былое. Тем самым философия низводит себя на уровень всего лишь истории философии. Она ничего не дает нашему поколению, изголодавшемуся по ясности и правде, нашему горячему стремлению к обновлению человеческого рода. Истинная же философия приближает будущее. Она не плетется в хвосте событий, а подготавливает их. Она сама – частица и фактор истории, сила, участвующая в формировании истории. Более того: она одна из влиятельнейших сил в судьбе человечества.

Историю русской души и духа нельзя представить себе без оглядки на Запад, без строгого сравнения с ним. Пытаясь уяснить противоположный для себя образ европейца, русские надеялись обрести ясность и относительно самих себя. В этой книге впервые сделана попытка пойти таким же путем в понимании Европы. То есть речь идет о самопознании Европы путем контраста.

Если какой-нибудь народ хочет познать себя, для этого он имеет разные возможности. Наиболее неподходящим я считаю самый распространенный метод – исторический. Народ не может познать себя, заглядывая в свою историю, поскольку он не будет выводить объяснение настоящего из прошлого, а наоборот: будет из близкой перспективы вглядываться вглубь с неосознанным желанием санкционировать прошлым настоящее. Тем самым и прошлое затемняется, и настоящее остается непонятым. Я не ставлю своей задачей выделить специфически национальное отдельных наций, не поддающееся изменениям в ходе истории. Я хотел бы показать народы Европы такими, какие они есть сегодня, какими они сформировались за последние поколения. Я смотрю на них прежде всего с точки зрения тех возможностей, которые имеются в них для обновления человечества. Средством для уяснения этого является сравнение живого с живым. По сравнению с историческим методом рассмотрения это дает двойное преимущество: во-первых исследование приближается к живой реальности, а во-вторых, огромная масса материала находит для себя благотворные рамки. Чем противоположнее предметы сравнения, тем резче они выделяются друг против друга тем яснее проявляется их собственная сущность на контрастном фоне. Когда начинают себя сравнивать европейские нации, живущие в сообществе одного и того же архетипа, то есть образующие семью с одной и той же судьбой, они замечают в себе совпадения и отклонения но самое существенное проявляется гораздо слабее: своеобразие самой семьи. Видятся только внутрисемейные различия, клановые разновидности и нюансы, в то время как общий признак семьи считается само собой разумеющимся

⁶³ Порт в Италии, чей кодекс морского права в XI в. был общепризнанным на Средиземноморье.

и поэтому не бросается в глаза. Но он обнаруживается сразу же, как только мы противопоставим европейские нации или одну из них (за исключением Испании) – русским. Тогда все они плотно смыкаются на одной стороне, а русские остаются в одиночестве на другой, поближе к индусам и китайцам, нежели к европейцам. Русские и европейцы являют по отношению друг к другу «совершенно другой мир». И русские чувствовали это всегда очень тонко. Они глядели на Европу примерно так, как человек рассматривает различные особи какого-нибудь рода обезьян. Он их почти не отличает друг от друга, поскольку видит в них только обезьян. Но тем ярче видятся ему черты родового свойства, типичные. Так было с Достоевским, который имел о различных европейских нациях одно и то же мнение – плохое. Если европеец посмотрит на русских, а потом на самого себя, он должен показаться себе в новом свете. В сравнениях такого рода заключена непреходящая ценность: через русское он может познать себя до конца, включая и специфику своей западной семьи. То, что выглядело обычным, становится особенным. То, что казалось само собой разумеющимся, становится сомнительным. Тогда вдруг открывается, что многое может быть совершенно иным, чем дома; например, на власть можно смотреть не только как на ценность, которой домогаются, но и как на искушение, которого следует избегать. Обретение этих совершенно новых возможностей, масштабов и перспектив пробуждает самосознание, способное проникнуть до самых потаенных глубин. В том, что мы смотрим на себя по-другому, вплоть до глубин своей души, как раз и заключается сущность нашего духовного обновления, тайна нашего возрождения. Это применимо как к отдельной личности, так и к целым народам.

Запад подарил человечеству самые совершенные виды техники, государственности и связи, но лишил его души. Задача России в том, чтобы вернуть душу человеку. Именно Россия обладает теми силами, которые Европа утратила или разрушила в себе. Россия является частью Азии и в то же время членом христианского сообщества народов. Это – христианская часть Азии. В этом особенность и исключительность ее исторической миссии. Индия и Китай отдалены от европейского человека. В Россию же его ведут пути, связанные прежде всего с общностью религии. Поэтому только Россия способна вдохнуть душу в гибнущий от властолюбия, погрязший в предметной деловитости человеческий род, и это верно несмотря на то, что в настоящий момент сама она корчится в судорогах большевизма. Ужасы советского времени минуют, как минула ночь татарского ига, и сбудется древнее пророчество: *ex oriente lux*⁶⁴. Этим я не хочу сказать, что европейские нации утратят свое влияние. Они утратят лишь духовное лидерство. Они уже не будут больше представлять господствующий человеческий тип, и это станет благом для людей. Ведь столько нынче жаждущих конца прометеевской культуры! И в наибольшей степени это – как раз ее тончайшие умы! Они чувствуют духовное убожество живущих рядом. Поэтому они ищут вокруг себя новых возможностей. Быть может это и слишком смело, но это надо сказать со всей определенностью: Россия – единственная страна, которая способна спасти Европу и спасет ее, поскольку во всей совокупности жизненно важных вопросов придерживается установки, противоположной той, которую занимают европейские народы. Как раз из глубины своих беспримерных страданий она будет черпать столь же глубокое познание людей и смысла жизни, чтобы возвестить о нем народам Земли. Русский обладает для этого теми душевными предпосылками, которых сегодня нет ни у кого из европейских народов.

В нынешнем своем виде проблема Восток-Запад предстает как грандиозная проблема обновления человечества, как возможность одухотворения Запада Востоком, как призыв к восстановлению первоначального единства расколотого человечества, как задача созидания совершенного человека. Это придает проблеме непреходящий смысл, свободный от пространственных и временных условностей. Вот почему настоящее исследование – результат много-

⁶⁴ *Свет с Востока (лат.)*

летних размышлений и еще более длительных наблюдений – надо оценивать не как попытку прояснения специфического исторического вопроса, а гораздо шире – как вклад в изучение человеческой души, как служение во благо всечеловечности, как участие в деле разрешения вечных вопросов.

Противоречие между Западом и Востоком как политическая проблема

Когда народы живут в мире друг с другом, они обычно не стремятся ни к общению, ни к знакомству. Как правило, только единицы – купцы, исследователи, дипломаты – имеют доступ к чужим нациям. Подавляющее же большинство ведет замкнутый образ жизни и к судьбе соседних народов относится, в лучшем случае, как холодный наблюдатель. Время с 1870 по 1914 годы являет пример того, что в мирный период происходит лишь обмен отдельными культурными ценностями, но никак не сближение культур в большом масштабе. Средством сближения чуждых друг другу народов является война. Хотя вызванные ею ненависть и жажда мести на какое-то время омрачают взаимопонимание, все же война выступает той силой, которая бросает воюющие массы одной нации на территорию другой и тем самым непреднамеренно, против воли участников, способствует взаимопроникновению способа их мышления и жизнеощущения, что было бы совершенно невозможно в процессе мирного развития. Без вторжения Александра Македонского в Персию греки никогда не впитали бы в себя восточный дух до такой степени, чтобы стать благодатной почвой для принятия и дальнейшего распространения христианства. Без завоевательных походов Цезаря и Германика⁶⁵, без вторжения в Италию германских полчищ во времена переселения народов античный Рим не смог бы оказать столь глубокого воздействия на народы северных предгорий Альп и так прочно укорениться в их зарождающейся культуре. Война – не только неистовый разрушитель, но и двигатель культурного оживления. Примирению в великом всегда предшествует предельная интенсивность политической и военной напряженности. Ненависть может перейти в симпатию, равнодушие – никогда.

В свете этого соображения следует рассматривать и проблему взаимоотношений Запада с Востоком. За последнее столетие они заметно обострились. Очевидно, мы еще находимся на том отрезке событий, для которого характерны нарастающая напряженность, все более резкое проявление противоречий между западным и русским континентами. Однако то, что, на первый взгляд, кажется опровержением предсказания взаимных поисков и последующего примирения, при более глубоком взгляде служит лучшим подтверждением тому. При этом для конечного результата совершенно неважно, хлынут ли европейские народы на просторы Востока или русские наводнят Европу. Часто именно победители подпадают под влияние сил, излучаемых чужой землей и возвращенной на ней культурой.

Процесс сближения между Западом и Востоком начался в 1812 году. Более явственно, в форме все нарастающей напряженности, он бросается в глаза в XX веке. В целом он может занять немало столетий, как это было в случае с германцами и Древним Римом.

1812 год – самый важный в новейшей истории: впервые перед прометеевским человеком предстает грозный русский Восток, приковывая в новом направлении западный взор, доселе обращенный к югу. Именно в этом раскрывается смысл жизни Наполеона и породившей его революции. Наполеон являет собой полнейшее олицетворение прометеевского человека и одновременно живейшее воплощение тяги Запада к темной мистике Востока. В этом символическом образе западная культура обнаруживает и вершину и предел своих возможностей. С детства движет Наполеоном эта трагическая тяга к Востоку. С раннего возраста он начинает страдать от узости Европы, от этой “кротовой дыры”, как он ее называл (*taupinière*). Париж давит на него, «как свинцовый плащ», и из груди его вырывается вздох: «Только на Востоке можно творить с полным размахом». С магической силой его все время влечет на Восток.

⁶⁵ *Германик (15 до Р.Х. – 19 после Р.Х.) – римский полководец при императоре Тиберии, в походах за Рейн нанес несколько поражений германским племенам.*

Сначала – Египет. Затем в 1800 году он предлагает Павлу I союз для завоевания Востока. Его победы, начиная с 1805 года, кажутся ему лишь кратковременными остановками на пути, который, наконец, заканчивается в Москве. Москва в жизни Наполеона – не только осознанно предвкушаемый кульминационный пункт, но и бессознательно преследуемая цель. «Эта азиатская столица огромного царства с множеством церквей в стиле китайских пагод» оказала на фантазию Наполеона столь чарующее воздействие, что он утратил чувство военной предосторожности. Его мучило и гнало сказочное представление о рае, лежащем за Москвой. Так, прометеевский человек в надежде освободиться от тяжких пут собственного существования ищет бесконечности Востока и, если не понимает ее, гибнет из-за нее и в ней.

Оглядываясь назад, сегодня мы понимаем то, чего в то время никто не мог понять: перед Наполеоном стояла историческая задача – собрав народы Европы, двинуть их на Восток и тем самым привести в соприкосновение два противоположных мира. Целью Французской революции (или, во всяком случае, одним из ее важнейших последствий) была не казнь Людовика XVI, а пожар Москвы, пробуждение славянского Востока. Это совершенно новый аспект, в свете которого события 1789–1814 годов прежде еще не рассматривались⁶⁶. – Так впервые вошел в историю Европы русский Восток. Тогда о него разбилась мощная волна Французской революции, начавшая после двадцатилетнего наступления откатываться назад. С этого момента Александр I с его идеей легитимности и Священного Союза стал определять политически и идейно развитие Запада. То было время, о котором Тютчев мог сказать: у Европы лишь две мысли – Россия и революция⁶⁷. – Во второй половине XIX века политика Бисмарка и наличие империи Габсбургов несколько ступсывали противоречия между славянами и западноевропейцами, но, в конечном счете, как раз из-за этого противоречия разразилась война 1914 года. Не следует забывать, что война вспыхнула на Востоке как следствие конфликта между Западом и Востоком. И ее ход, и результаты свидетельствуют о том, насколько наша эпоха предрасположена к дальнейшему обострению противоречий между Востоком и Западом. Вопреки четким и определенным планам немецкой армии, вопреки самым тщательным расчетам десятилетий мирного времени, уже в считанные недели после начала войны центр боевых действий сместился на Восток. Там стояли – едва ли заметные для современников – важные, судьбоносные проблемы, требовавшие своего разрешения. Три года большая часть немецких солдат воевала с восточным врагом, вызывая там мощные потрясения, в то время как на Западе сцепившиеся друг с другом противники были слишком однородны, чтобы привести к решительным переменам. Повторялась драма 1812 года. Западные армии, на сей раз под командованием немецких генералов, снова ринулись в восточном направлении, вызвав встречное движение – большевистскую революцию, которая дает Европе новый, необычный импульс. И снова у Европы только две мысли: Россия и контрреволюция (фашистов). С 1914 года мы вступили в эпоху войн между Западом и Востоком. С этих пор становится все очевиднее, что большие задачи решаются на Востоке и за Восток. Два важнейших итога войны касаются Востока: освобождение славян и появление большевизма. Соотношение сил между Германией и ее западным соседом существенно не изменилось. Между ними не было ничего решено. Но на своей восточной

⁶⁶ Свт. Феофан Затворник еще в XIX в. дал наполеоновскому нашествию оценку того же историософского масштаба, но иную. Указывая на подражательское преклонение русской знати перед Западом в конце XVIII века («презрели даже свой родной русский язык») святитель говорил: «Западом и наказывал и накажет нас Господь... припомним двенадцатый год: зачем это приходили к нам французы? – Бог послал их истребить то зло, которое мы у них же переняли. Покаялась тогда Россия, и Бог помиловал ее». Но мы тогда не остановились в западнических увлечениях, и «если не опомнимся, кто вест, может быть, опять пошлет на нас таких же учителей наших, чтобы привели нас в чувство и поставили на путь исправления. Таков закон правды Божией: тем врачевать от греха, чем кто увлекается к нему...» («Мысли на каждый день года»).

⁶⁷ Точнее: «Давно уже в Европе существуют только две действительные силы – революция и Россия... От исхода борьбы, возникшей между ними, величайшей борьбы, какой когда-либо мир был свидетелем, зависит на многие века вся политическая и религиозная будущность человечества» (Тютчев Ф.И. «Россия и революция». 1848). Уже одна эта фраза из политической статьи гениального поэта Федора Ивановича Тютчева (1803–1873) показывает, что он был и духовно пронизательным публицистом. (См.: Тютчев Ф. «Политические статьи». СПб. – Репринт: Париж, 1976.)

границе немцы понесли чувствительные потери. Похоже на то, как если бы провидение направило войну в пользу славян. Именно они выиграли войну – несмотря на Русскую революцию. Заклятые их враги – турки, венгры и немцы – оттеснены далеко назад. Чехи, словаки, хорваты, черногорцы и словенцы скинули с себя ярмо Габсбургов и образуют свои собственные государства. Польша стала свободной и вернула себе отторгнутое в результате ее разделов. А Россия, в качестве базы мирового коммунизма, косвенно или прямо, видимо или невидимо, в значительной степени определяет судьбу Европы, укрепляя в ней разлагающие движения или вызывая силы национальной самозащиты. Говоря ясным языком: самым судьбоносным результатом войны 1914 года стало не поражение Германии, не падение Габсбургской монархии, не возросшее колониальное могущество Англии или Франции, не экономическое укрепление Северной Америки или Японии, а появление большевизма, с которым старая борьба между Европой и Азией вступает в новую фазу. Эта перемена на Востоке – решающее событие новейшей истории. Я сейчас ставлю вопрос не о том, что значит большевизм для России, а о том, что он значит для Европы; причем вопрос не стоит так: третий Рейх или третий Интернационал, фашизм или большевизм. Нет, речь идет о мировом историческом конфликте между частью света Европой и частью света Россией, между западноевропейским и евразийским континентами. Потому что Россия, как Индия или Китай, есть часть света, охватывающая сегодня 169 национальностей и верующих всех религий мира, которая, по осторожным оценкам, к концу нашего столетия будет насчитывать свыше 300 миллионов человек, – столько же, как в Индии, и не намного меньше, чем в современной Европе без России. Население всех славянских стран, особенно Польши и России, неуклонно растет, несмотря на то, что это бедные и страдающие народы земли и что рождаемость у них не поощряется искусственными способами. Как раз в этом мы чувствуем перст судьбы. Там, где она сама руководит ростом расы, не нужно поощрение рождаемости. Прогрессирующие расы плодovиты и растут со стихийной силой. В 1810 году в Европе проживало (включая Россию) 187 миллионов человек, из них по одной трети германцев, романских народов и славян. К 1910 году славяне насчитывали уже 42 %, ныне – 46 %. В 1950 году более половины европейцев составят славяне. На этом основании специалист по народонаселению Ф. Бургдерфер высказал предположение, что Европа превращается в преимущественно славянскую часть света. Его утверждение неверно только в том, что он причисляет славян к Европе. Они относятся к восточному континенту. Восточная граница Европы проходит по Висле, а не по Уралу, она проходит сегодня, как в Средневековье, там, где остановилась немецкая колонизация.

О том, как сильно Россия начинает чувствовать себя континентом, говорит ее национальная политика, не делающая больше никаких различий между отдельными расами, народностями и племенами. Здесь континентальный стиль мышления приходит на смену национальному, и под эгидой принципа равенства, позаимствованного на европейском Западе, идет борьба формирующегося континента за свой облик. (Когда в январе 1938 года в Москве впервые собрался Верховный Совет, *Известия*” вышли на 11 языках!) Так русский большевизм служит развитию, далеко отстоящему от его изначальных намерений и планов, – образованию восточного континента, который вступит в решающую борьбу с Западом. Даже если советская система рухнет или внутренне преобразится до неузнаваемости, русское жизненное устремление на Запад останется как задающая направление движущая сила. Нынешняя русская политика, пропаганда мировой революции, вмешательство в суверенитет других народов, подрывная работа в колониях – все это лишь следствие и проявление тех мощных сил, которые медленно возрождаются из пепла растопчинской Москвы; и источник такой политики не в коммунизме, не в партийной программе, не в идеях двух-трех человек, книг или теорий⁶⁸.

⁶⁸ Подобная оценка большевизма как по сути русского явления, лишь сильно деформированного марксизмом, была присуща не только Шубарту, но и многим русским эмигрантам: от Н.А. Бердяева, евразийцев и других пореволюционных течений – до

Все, что русский коммунист ненавидит в теперешнем состоянии земли, он вкладывает в понятие "капиталистическая система", подразумевая под ним Европу. Мировая революция – это самый всеобъемлющий, самый действенный из лозунгов, под которыми может произойти уничтожение западной цивилизации во всех уголках земли. Все недовольные, униженные, притесняемые Европой, все, желающие отомстить ей за несправедливость – а сколько таких! – могут объединиться под этим лозунгом. Под этим лозунгом выступают плечом к плечу как союзники европейский пролетарий и цветной раб, и бесшумно происходит включение "эффиопизма" в большевицкий фронт. В чисто русской манере, доводить любое начинание до крайности, большевики впервые открыто и недвусмысленно распространили свой клич ко всем пролетариям и на все колониальные земли, стерев различие в цвете кожи. А поскольку сегодня европейская цивилизация охватила собою весь земной шар, то революционный лозунг для жителей Земли проявляется как объединение и возбуждение всех сил, направленных против Европы. Мировая революция выливается таким образом в мощный протест против Европы. После того, как в XIX веке она добилась мирового господства, в какой-то точке земли должен был появиться противник, способный ответить на это давление неизбежным противодействием, провозгласить вместо «vive l'Europe» – "vive la mort de l'Europe"⁶⁹, и этим противником стала Россия. Такова ее историческая судьба – восставать против Европы и там, где возможно, сменить ее в правлении миром, как это предсказывали в 1918 году Шпенглер, в 1871 – Данилевский⁷⁰, в 1816 – Наполеон I. Это предчувствовали русские анархисты и славянофилы, это ощущают и нынешние большевики. Все они не могут мыслить иначе, чем верить в то, что планета исторгнет из своего нутра глубокий и всепроникающий вздох облегчения, как только канет в вечность прометеевская культура.

Сегодня Европа ощущает серьезную угрозу русского большевизма. Если бы она пристальнее взглядела в его лик, то признала бы в нем свои собственные идеи, огрубленные и доведенные большевиками до гротеска. Это – атеизм, материализм и весь сомнительный хлам прометеевской культуры. Однако не этих идей боится Запад, а тех чуждых и жутких сил, которые мрачно и грозно встают за ними, искажая эти идеи и обращая их против самой Европы. Это извечное чувство противоположности Западу, которое руководит и большевицкими властителями. То, что произошло с 1917 года, отнюдь не породило враждебных Европе настроений, а только вскрыло и усилило их. Между намерениями славянофилов и евразийцев, между лозунгами панславизма и мировой революции разница только в методах, а не в целях и сути. По мотивам и действиям все равно, призываются ли славяне на борьбу против германцев или пролетарии против капиталистов. В обоих случаях проявляется инстинктивное русское стремление при помощи одной части Европы одолеть другую, а тем самым и ее целиком⁷¹.

просоветских младороссов. Однако против этого можно привести и серьезное возражение: к насильственной мировой революции СССР толкало не русское мессианство, а именно материалистический марксизм; ведь стремление к земному мировому господству никогда не было присуще русским, они вполне довольствовались сознанием обладания всемирной небесной Истины.

⁶⁹ «Vive l'Europe» (франц.) – «Да здравствует Европа»; «Vive la mort de l'Europe» – «Да здравствует смерть Европы».

⁷⁰ Данилевский, Николай Яковлевич (1822–1885) – видный представитель позднего славянофильства; в 1871 г. опубликовал книгу «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому», в которой, анализируя причины неизменно антирусской политики Европы, выдвинул концепцию разных культурно-исторических типов и призвал вместо «европеичанья» заняться созданием Всеславянского союза. Труд Данилевского верно отражает культурологическую и политическую картину русско-европейских противоречий, но примененная к нациям натуралистическая аналогия недостаточна для понимания цели всего мирового развития и идущей в мире духовной борьбы. Однако в концепции Данилевского нет притязания, что Россия должна сменить Европу в правлении миром; круг его целей ограничивается славянами.

⁷¹ Невозможно доказать это «инстинктивное русское стремление одолеть Европу»; тот факт, что, даже освободив Европу от Наполеона, русская армия вернулась домой без всяких попыток подчинить себе европейские народы, – говорит об обратном.

Нечто подобное уже однажды происходило в войнах, последовавших после канонады в Вальми⁷². Тогда якобинская армия верила в миссию революции: *Guerre aux châteaux, paix aux cabanes*⁷³. Они ощущали себя солдатами-освободителями, призванными передать народам восточнее Рейна благую весть о штурме Бастилии. Сегодня мы, однако, знаем, что в лозунгах якобинцев жутким образом возродилась и восторжествовала завоевательная страсть Короля-солнца⁷⁴. Вражда к центральной Европе представлялась французским войскам в виде освободительной борьбы с легитимизмом, как и сегодняшним большевикам грезится борьба за свободу рабочего класса. Гете заблуждался, видя в этом рождение новой эпохи. Он спутал внешнюю форму с внутренней силой, провозглашенное намерение – с глубинным смыслом этого движения. Здесь мы тоже должны констатировать: новой была лишь оболочка, зерно же, сброшившее ее, оставалось прежним.

Сегодня стало очевидно, как глубоко отразился большевизм на судьбах Европы за два десятилетия своего существования. Самое главное в том, что из-за него Россия стала препятствием на пути слияния Европы в единый континент. После 1920 года европейские народы имели возможность преодолеть национальный, разъединяющий способ мышления, заменив его континентальным, объединяющим, и почувствовать себя накрепко связанными единой судьбой в горе и радости. Такое единение могло быть только союзом правовых государств. Помешать его появлению, сделать невозможным либерализм – и было целью, которую Россия преследовала своей коммунистической разлагающей работой. Со злобной яростью подхлестывала она духовный кризис Европы, вынуждая ее – за исключением Англии – сделать выбор: или стать коммунистической, или защищаться с применением силы. Получилось так, что Россия, эта якобы отсталая страна, становилась судьей и наследницей Европы. Так возник фашизм. Без большевизма его никогда бы не было. Именно, большевизм вызвал его как акт самозащиты⁷⁵. Фашизм – детище большевизма, его внебрачный ребенок, который не знает своего родителя, да и тот его не признает. То, что фашизм впервые появился в классической стране анархизма, а национал-социализм – в том самом городе, где некогда существовала немецкая республика Советов⁷⁶, вряд ли можно назвать случайностью. Так Россия, будучи даже поверженной, косвенно определяла ход европейской истории.

Фашистский национализм есть принцип разъединения народов. С каждым вновь образующимся фашистским государством на политическом горизонте Европы появляется новая черная туча. Фашизм, конечно, спланирует каждое государство в отдельности, но он раскалывает сообщество государств, усиливает напряженность между отдельными народами. Он ускоряет процесс европейского саморазрушения. Смотреть на него как на спасительное движение можно только с точки зрения национальной, но не континентальной. Самосознание отдельного государства возрастает, чувство же солидарности с целым исчезает, готовность к примирению слабеет, сообщество становится рыхлым и в конце концов распадается. Фашизм перенес разъединительные силы из горизонтальной плоскости в вертикальную. Борьбу классов он превра-

⁷² Вальми – селение во Франции, у которого в 1792 г. французские революционные войска, будучи очень немногочисленными, одержали победу над превосходившими их австро-прусскими войсками, которые поддержали консервативных эмигрантов. Многие современники утверждали, что победа французов объяснялась изменой командующего немецкими войсками, принца Брауншвейгского, который как масон симпатизировал Французской революции (см.: Тихомиров Л.А. «Религиозно-философские основы истории». М., 1997, с. 460–461).

⁷³ Мир хижинам, война дворцам (франц.)

⁷⁴ «Король-солнце» – так придворные именовали французского короля Людовика XIV (1638–1715, король с 1643 г., самостоятельное правление с 1661 г.).

⁷⁵ Большевицкая пропаганда была более поздней причиной, на которую реагировал фашизм (более всего – в Германии). Фашизм возник сразу после первой Мировой войны в национальных кругах Европы, особенно в Италии (1919 г.) – как реакция на победу либеральной демократии и еврейского капитала. Даже большевицкое правительство в России многие деятели фашизма, особенно в Германии, трактовали как «инструмент мирового жидо-масонства».

⁷⁶ Речь идет о самом консервативном городе Германии, столице Баварии – Мюнхене. Баварская советская республика существовала там с 13 апреля по 1 мая 1919 г. (возглавитель – Э. Левине), практически не оставив следов.

тил в борьбу наций. Он лишь социализировал жизненные противоречия, но не устранил их. Разлагающий яд даст о себе знать в новом месте как вражда народов, от которой эти народы и гибнут. Фашизм толкает Европу ко всеобщей войне и тем самым к такому же хаосу, который непосредственным путем пытается развязать русский большевизм. Так вследствие частичной фашизации Европы ее общее развитие идет, хотя и обходным путем, к той же дальней цели. Результатом в любом случае будет распад Западной Европы, а в выигрыше всегда окажется русский континент (не обязательно советская система!)

Последнюю большую битву с Азией Европа выдержала 250 лет назад. Тогда христианская идея была еще достаточно сильна, чтобы объединить европейцев в защите от турок. Победа была одержана под знаком – крест против полумесяца. Теперь же у Европы и близко нет равноценной идеи сверхгосударственного значения, которая могла бы объединить народы. На красный кулак, который Россия угрожающе сует ей под нос, Европа отвечает цезаристским приветствием – от Саламанки до Риги, от Ахена до Афин⁷⁷. Европа хватается за античное духовное наследие, за римский идеал принуждающего государства и его насильственного расширения. Из страха перед русским монстром она пожертвовала священными ценностями свободы и права. Это был единственный оборонительный жест, на который она оказалась способна. Но он не даст ей спасения. Последствия видны уже сегодня. Русскому Востоку не противостоит единая Европа. В то время как русский большевизм мыслит в континентальном масштабе, Европа раздирается в своих национальных противоречиях. Варвары технократии устремились во тьму безумия, поочередно сметая друг друга с пути.

Искры будущего мирового пожара с 1920 года тлеют там, где германизм сталкивается со славянством – чехами, поляками, латышами, литовцами. Но для того, чтобы привести Россию и Германию к непримиримому противостоянию, провидение пошло на своеобразную хитрость: оно привело к победе в Германии национальное движение, которое свою антикоммунистическую направленность, приобретенную во внутривосточной борьбе, внесло в политику внешнюю. В результате получилось нечто, никогда прежде не происходившее в истории: две мировые державы, не имеющие общей границы и, следовательно, никаких территориальных трений, никаких противоречивых интересов, превратились окольным путем – из-за партийной идеологии – в заклятых врагов. Отношения между Россией и Германией обострились не потому, что национал-социализм пришел к власти, наоборот: он должен был прийти к власти для того, чтобы они могли обостриться! Смысл немецкого фашизма заключается в том, чтобы столкнуть Восток и Запад во враждебном противостоянии; это однозначно и с дальним прицелом сформулировано Гитлером еще в 1925 году в книге "Майн кампф" (с. 742): «Мы остановим вечное стремление германцев на Юг и на Запад Европы и обратим свой взор к большой стране на Востоке». Это не частное мнение или произвол отдельной личности – это голос самой судьбы народа. Обращение немецких властей лицом на Восток – самый чреватый по последствиям пункт национал-социалистической программы. Даже если во внутренней политике могут преобладать другие теории, все же во внешней политике этот пункт программы самый важный⁷⁸. Когда Гитлер заявляет в своих выступлениях – особенно в речи в Рейхстаге 20 февраля 1938 года, – что Германия стремится к сближению со всеми странами, только не с Советской империей, он показывает, как глубоко ощущается на немецкой почве противоположность Востоку в качестве судьбоносного вопроса для Запада. В 1913 году такой взгляд

⁷⁷ Имеется в виду неудержимое распространение по Европе авторитарных режимов фашистского типа. Саламанка – город в Испании, где в годы гражданской войны (1936–1939) была резиденция ген. Ф. Франко.

⁷⁸ Этот пункт в программе Гитлера был оценен как важный и западными демократиями. Когда распространение фашистских режимов по Европе стало неудержимым и демократические государства (США, Англия и Франция) поняли, что справиться с этим движением можно только путем новой всеевропейской войны – именно эта антирусская черта в программе Гитлера давала им надежду, что войну можно будет развязать на Востоке и уничтожить европейский фашизм руками и кровью славян. Вся западная дипломатия 1930-х годов была направлена на эту цель – и в конце концов добилась ее, хотя и не по самому легкому сценарию.

был столь же невозможен, как и в 1920 году. Но с тех пор внутренняя динамика политической жизни развернулась настолько, что ее не удержать никаким произволом. Еще политика Штресмана⁷⁹ руководствовалась уверенностью, что события на Востоке идут полным ходом и таят в себе грядущие потрясения. Демократическая Германия сумела заключить в Локарно договор со своими западными соседями, с восточными даже ей этого сделать не удалось⁸⁰. Сегодня система союзов Польши и России такова, что западновосточные столкновения не ограничатся славянами и германцами, а вовлекут и остальные великие державы Европы вместе с их сателлитами. Так что проблема Восток-Запад становится судьбоносной для всей Европы.

Итак, налицо две политические тенденции, доминирующие в новейшей истории: одна стремится все больше отделить друг от друга Запад и Восток; другая посредством коммунистической пропаганды или национального разъединения готовит гибель Европы, которая не сможет так легко преодолеть кровавые потери смертоносных революций или войн, как на это способен неисчерпаемо плодovitый Восток. Как бы мы ни рассматривали нынешнее развитие – с культурной либо с политической точки зрения, – в дальней перспективе вырисовывается одна и та же картина: центр тяжести событий смещается в восточном направлении.

⁷⁹ Штресман, Густав (1878–1929) – германский рейхсканцлер в 1923 г., затем министр иностранных дел, масон, проводил курс на примирительное сближение с западными странами, лауреат Нобелевской премии мира 1926 г.

⁸⁰ Локарнские договоры 1925 г., заключенные между Германией и – Францией, Великобританией, Бельгией, Италией, гарантировали западные границы Германии на условиях Версальского договора, но оставляли вне гарантий вопрос о ее восточных границах. Договоры обеспечили вступление Германии в Лигу Наций на равных правах; расторгнуты Германией в 1936 г.

Мир Запада и мир Востока

Основные тенденции развития западной культуры

Готическая эпоха создала единство Запада, возникло понятие и реальность – Европа. Ведущим сословием, охранявшим это единство, было духовенство, – а не военные, входившие в противоборствующие группировки и потому создававшие угрозу этому единству. Идеалом того времени был человек объединяющий, а не разъединяющий. Национальных государств не было. Люди принадлежали к всеобъемлющей общине христианской культуры как ее непосредственные члены. Внутренне их объединял дух взаимной связанности и любви. Над ними царил длительный покой метафизических эпох. Каждый осознавал себя включенным в бесконечные просторы вечности, и это давало ему чувство безопасности и покоя. Без этого живого ощущения потустороннего мира никогда бы не были задуманы и сооружены средневековые соборы, над которыми трудились целые поколения людей. И никогда бы не решились целые поколения монахов посвятить столько труда записям григорианской музыки, как это было в монастыре бенедиктинцев в Солеме⁸¹. Готическая эпоха олицетворяет архетип гармонического человека. Ему чужды идея эволюции и вера в человеческий прогресс. Мир вышел из рук Божиих совершенным. Смысл жизни – в восторженном созерцании мира и прославлении в нем его Творца. Мысли об изменении этого мира или о таковой возможности с негодованием были бы отвергнуты готическим человеком как дерзость, как проявление греха. Потому что христианские ценности и истины для него – абсолютны и вечны; незыблемые законы держат Вселенную в ее первоначально заданной форме. Это – Аристотелевы энтелехии⁸² в их христианском варианте. Социальная иерархия тоже считается неизменной. Каждый человек приходит в этот мир по Божьему промыслу и должен всю свою жизнь довольствоваться отведенным ему местом. Готической эпохе не свойственны воля к власти, стремление к подъему по социальной лестнице, взаимная конкуренция, а потому здесь нет места революциям, как нет и переворотов в мышлении. Гармонический человек наделен твердо установленным объемом знаний, которые нельзя умножить; выход за их пределы кажется ему глупостью и грехом; и знания эти для него не сила, а средство к спасению и освящению.

Человек готической эпохи стоял ближе к классическому греку, чем оба они – к прометеевскому человеку. Идея космоса у греков и средневековое представление о Царстве Божием имеют больше внутреннего сходства, чем картины мира античного и современного человека. Грек также воспринимал посягательство на преобразование Вселенной как нарушение гармонии и отвергал это. Эллинизму и готике свойственна одинаковая статичность мироощущения. Только благодаря этому был возможен переход философии Аристотеля в томизм⁸³. Как бы ни

⁸¹ *Солем* – селение во Франции, где в XI в. бенедиктинским орденом был основан монастырь. Григорианские песнопения названы по имени папы Григория I (ум. в 604 г.), при котором началась переработка и канонизация католических церковных песнопений.

⁸² *Аристотель* (384–322 до Р.Х.) – греческий философ, ученик Платона (см. прим. 101), подвергший позже критике его учение об отдельном существовании нематериальных идей («эйдосов»), неразрывно соединив идею с самим предметом, введя ее внутрь него (как бы приземлив). «Энтелехия» (осуществленность) – сложный центральный термин аристотелевской философии, означающий единство идеи и действительности, осуществленность чего-либо в единстве четырех принципов бытия: материи, формы, действующей причины и целесообразности. В философии Нового времени понятие «энтелехия» употреблялось в иных, уже более предметных смыслах – как монада, жизненная сила в витализме и др.

⁸³ *Томизм* – направление католической философии, созданное Фомой Аквинским (Thomas Aquinas, 1225–1274). Для него характерна ориентация более на Аристотеля – в стремлении соединить строго религиозные догматы с правами рассудка (в отличие от прежней философии Августина, апеллирующей к интуиции и ориентирующейся на Платона). В XIX в. томизм официально объявлен господствующей доктриной католической Церкви.

вдохновлялся Гете Элладой, он все же не обладал чувством гармонии, присущим грекам. Он пытался пробудить его в себе, он боролся за гармонию, но она не была для него врожденной, как у человека готической эпохи. Поэтому его, как и Лессинга⁸⁴

⁸⁴ Лессинг, Готхольм Эфраим (1729–1781) немецкий писатель, деятель Просвещения, масон, пантеист, считал себя последователем Спинозы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.